Владимир Василенко

Амальгама: Жатва

Амальгама

Владимир Василенко

Жатва

«Автор»

2021

Василенко В.

Жатва / В. Василенко — «Автор», 2021 — (Амальгама)

Ночь, буря, чудовища за окном. Казалось бы, типичное начало зомби-апокалипсиса. Но делать выводы рано. В этой головоломке каждый новый элемент полностью меняет картинку, так что понять, что на самом деле происходит, получится далеко не сразу. И для начала нужно выжить. И попытаться спасти тех, кто тебе дорог. Новый цикл. Сверхспособности, параллельные миры, магия, мистика, борьба кланов и многое, многое другое.

© Василенко В., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 27
Интерлюдия. Регина 36
Глава 5 40
Глава 6 46
Глава 7 54
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Владимир Василенко
Жатва

Глава 1

«Любая достаточно развитая технология неотличима от магии».
Третий закон Кларка.

«Чуть более 1 % человеческой ДНК кодирует белки, отвечающие за почти все важные биологические процессы в организме. Еще 7 %, предположительно, участвуют в переключении генов, кодирующих белки – в разное время, в ответ на разные факторы и в разных частях организма. Остальная часть генома – это остатки эволюционного материала, ее можно назвать «мусорной» ДНК». Остальная часть генома – это остатки эволюционного материала, ее можно назвать «мусорной» ДНК».
Из отчета исследователей-генетиков Оксфордского университета (Великобритания), 2014 год.

«С точки зрения пчелы, она просто живёт своей жизнью, и только пасечник знает, что на самом деле она собирает для него мёд. Пчела никогда этого не поймёт, потому что пасечник выходит за пределы ее масштабов мышления».
Автор неизвестен

* * *

Темно. И холодно. Ч-черт, да что ж так холодно-то?

Онемевшие пальцы скользят по шершавой, задубевшей простыне. Запястьем касаюсь обжигающе холодного металлического поручня, и по телу пробегает судорога от озноба. Кое-как разлепляю веки, пытаюсь приподняться.

Голова тяжелая, как гиря, шея без подушки затекла до ломоты в позвонках. Поворачиваюсь на бок. Справа – слабый колышущийся отсвет от приоткрытой двери. Он выхватывает из полумрака голую стену, до половины отделанную кафелем. Рядом – закрытый шкаф и тумбочка, на ней тускло поблескивает какая-то медицинская утварь. Над головой нависла, как НЛО, массивная шайба светильника с выпуклыми линзами.

Я что, до сих пор в операционной? Но, похоже, ночь уже на дворе.

Мозг пронзает догадка, от которой сердце невольно замирает, будто оцепеневшая от страха птаха, а потом начинает колотиться с удвоенной скоростью.

Я что, снова оказался ТАМ? Нет, нет, нет… Нет!!

Делаю глубокий вдох, стараюсь успокоиться. Взгляд мечется по стенам, расчерченным причудливым узором из теней и пятен света. На несколько секунд зажмуриваюсь, чтобы не отвлекаться ни на что, кроме собственных эмоций и ощущений.

Годы тренировок дают о себе знать – вспышку паники удается погасить в зародыше. Пульс постепенно нормализовался. Но тут откуда-то издалека, сквозь толщу стен, донесся истошный женский вопль, расслоенный гулким коридорным эхом. Я непроизвольно дернулся.

Приподнялся, сел, опираясь на поручни. Все пришлось делать медленно – руки дрожат, локти подгибаются от слабости.

Замер, прислушиваясь. Показалось?

Крик не повторился – наоборот, все стихло, только за окном, плотно закрытым рулонной шторой, шумят порывы ветра и злого дождя – будто горсти песка в стекло бросают. Похоже, град. И крупный. Одна за другой полыхнули две молнии, на доли секунды отпечатывая на стене тень от перекрестья оконной рамы.

Может показаться странным, но меня это немного успокаивает. Потому что ТАМ не бывает звуков и яркого света. Наоборот, все будто тонет в сером рыхлом тумане. Как пелена помех на старых ламповых телевизорах.

Значит, все в порядке. Рецидивов не было больше десяти лет. И сейчас тоже все будет хорошо. Надо только успокоиться. Успокоиться… Успокоиться…

Ловлю себя на том, что шепчу это слово вслух, покачиваясь взад-вперед.

Зажмурился и еле слышно зашептал детскую считалочку, за многие годы превратившуюся для меня в своего рода заклинание.

Раз. Два. Три. Четыре.
Жили мошки на квартире…

Во рту пересохло так, что распухший язык еле шевелится, прилипает к небу, покрытому вязкой горьковатой слизью.

Но повадился к ним вдруг,
Крестовик – большой паук.

Пить хочется, как со страшнейшего похмелья. И тошнит так же. Сердце тревожно ворочается в груди, колотится все быстрее, и я концентрируюсь на его биении, стараюсь замедлить его силой мысли. Это главное. Это самое главное…

Пять. Шесть. Семь. Восемь.
Паука давай попросим…

Уф, вроде отлегло. Ощупал себя. Гол, как младенец, прикрыт лишь тонкой простыней, от которой исходит легкий запах дыма… Нет, дымом тянет из коридора. Пожар, что ли?

Справа внизу живота обнаружил марлевую повязку, прилепленную к коже длинными полосками пластыря. Не больно, но это, похоже, потому, что наркоз еще толком не прошел. Меня всего колотит – не то отходняки, не то просто от холода. И голова кругом идет. Будто не на столе сижу, а на медленно разгоняющейся карусели.

Операция у меня пустяковая – аппендицит. Но наверняка мне еще нельзя вставать. И пить, я слышал, сразу после наркоза тоже нельзя какое-то время. Да и вообще особо дергаться – швы же разойдутся.

Но чего уж точно нельзя – так это вот так бросать пациента! Мне тут что, окочуриться теперь?

Я потихоньку свесил ноги со стола, сел прямее. Огляделся. Одежда моя осталась в палате, так что придется кое-как завернуться в простыню.

Почему так темно? Наверное, электричество вырубилось из-за грозы. Буря за окном, судя по завываниям ветра, нешуточная. Вон, снова полыхнуло. И еще раз.

Я обернулся в сторону окна, и вдруг до меня дошло, что грома после молний нет. Только яркие вспышки, шум ветра, дождь или град за окном… И холодно – аж пар изо рта. Не может быть так холодно в середине августа!

Бред какой-то…

А может, я и правда – того? Глюки, не отошел еще от наркоза…

Я снова одернул себя, привычным коротким ритуалом аутотренинга отогнал ненужные мысли и эмоции. Постарался сосредоточиться на главном.

А что для нас сейчас главное? Надо выяснить, что происходит. И надо убираться отсюда.

Все ощутимее чувствовался запах гари – горьковатый, навязчивый. От него запершило в горле. Я плотнее обмотался простыней. Свернул ее, перебросил через плечо, попробовал укутаться на манер римской тоги. Но получалось скорее как в сауне.

Потихоньку спустился на пол, едва не взвыв, когда босые ступни коснулись пола. Такое ощущение, что там не кафель, а пласт льда.

Со стороны коридора донесся отдаленный грохот и несколько сильных ударов. Потом звон разбившегося стекла.

Прижимая сквозь простыню повязку на животе, я тихонько двинулся к двери, стараясь сохранять спокойствие. Это было не так просто. Ночь, буря, никого кругом, снаружи – какие-то странные звуки. Сценка – просто из фильма ужасов про какую-нибудь заброшенную психиатрическую лечебницу. Здесь, конечно, не психушка, а хирургия. Но от этого как-то не легче.

Хотел прокашляться, но из горла вырвался лишь слабый хрип. Даже толком крикнуть, позвать кого-нибудь пока не смогу. Отвратительное чувство беспомощности. И самое противное – что голый. Ей-богу, в штанах бы я себя чувствовал куда уверенней. А уж за какую-нибудь обувь и вовсе отдал бы месячную зарплату.

Кое-как доковылял до стены, выглянул за дверь. Там обнаружился небольшой «предбанник» с раковиной для умывания и кучей каких-то шкафов. Вторая дверь – в коридор – была распахнута настежь, напротив нее чернел квадратный проем – выход на лестничную площадку. Над ним тускло горела лампа аварийного освещения, прикрытая пожелтевшим пластиковым плафоном.

В коридоре, прямо напротив двери, лежал труп в белом халате. Лицом вниз, вытянув руки в сторону лестницы, будто пытаясь дотянуться до чего-то, что лежало за пределами моей видимости.

Твою ж мать!!

От неожиданности я отшатнулся и захлопнул дверь, едва не прищемив пальцы. Приступ тошноты усилился, и меня едва не вывернуло прямо себе под ноги. В том, что снаружи именно труп, а не просто потерявший сознание человек, я знал точно, хотя и видел его секунды две. Определить это было нетрудно. У него не было ног. Вместо них – какие-то огрызки, торчащие из остатков брюк, и огромная багровая лужа позади.

Первой мыслью почему-то было забаррикадироваться. Но у меня сейчас вряд ли хватит сил даже просто завалить шкаф набок. А уж о том, чтобы подтащить его к двери, и вовсе речи нет. В обычное время я в хорошей физической форме – все-таки работа обязывает. Но сейчас все мышцы кажутся слепленными из мокрой ваты и противно мелко дрожат даже от малейшего усилия.

Взгляд упал на тумбочку с медицинским скарбом. Нужно какое-нибудь оружие! Может, удастся найти скальпель?

Скальпель против чего-то, что оторвало напрочь ноги взрослому мужику? Самому стало смешно. Да и баррикадироваться тоже глупо. Дверь – обычная, со стеклянной вставкой. Все равно долго не продержится в случае чего.

Шлепая босыми ступнями по полу, я подковылял к окну. Долго возился в потемках, отыскивая шнур. Он оказался не слева, как я ожидал, а справа. Потянул его, открывая окно.

В стекла действительно бился град. Только не ледяной, а черный. Пыль, мелкая каменная крошка, смешанная с потоками воды, сорванными с деревьев листьями, каким-то мелким мусором. Неба было не разглядеть за бешеными вихрями, закручивавшимися в воронки. Натуральные смерчи. Торнадо. Я видел такое в роликах на Ютубе. Только вот у нас тут не канзасские степи, и таких катаклизмов сроду не бывало.

От окна так и тянуло холодом – на улице явно ударили немыслимые для августа заморозки. Металлический козырек под окном заиндевел.

Я прислонился лбом к холодному, как лед, стеклу, пытаясь разглядеть хоть что-то внизу. Какой это вообще этаж? Кажется, третий. Или четвертый. Хотя, в любом случае, про то, чтобы выбраться наружу через окно, можно даже не думать. Наружу пока вообще нельзя высовываться. Тем более – в чем мать родила.

Давай, давай, думай, Ян! Шевели мозгами! Что делать?

Других выходов из операционной нет. Сидеть тут в темноте, отмораживая яйца, и вздрагивать от каждого шороха – тоже не вариант. В идеале, надо вернуться в свою палату – там все мои вещи, телефон, документы. Вот только дорогу я толком не помню. Операционный блок и палаты находятся в разных крыльях здания, и на разных этажах. Помню, меня везли на каталке по длиннющим коридорам, поднимали на лифте…

Снова звон разбитого стекла – на этот раз совсем близко. Я, забыв про повязку, рванул обратно к двери, прижался к ней спиной. Сердце снова заколотилось в ребра, как поршень в движке. Я пошарил взглядом по сторонам в поисках чего-нибудь увесистого. Как назло – вокруг только всякая мелочь. Бинты, тампоны, длинные медицинские зажимы… Какие-то металлические лотки, хлипкий столик на колесиках…

Капельница! Точнее, стойка под нее – железная вертикальная штанга, установленная на крестовине с колесиками. Я выдрал из держателей бутылки с лекарством. Одна выскользнула, ухнула на пол, брызнув во все стороны осколками стекла.

Да что ж такое-то! Не порезаться бы… Бутылки эти дурацкие. Я думал, их уже не используют давно, на пакеты перешли…

Шипя и матерясь себе под нос, я выкарабкался из операционной. Пару раз накололся босыми ступнями на мелкие осколки, но вроде не сильно.

Труп лежал на прежнем месте. Ну да, куда ж ему деться. Я осторожно высунулся в коридор, огляделся по сторонам. Коридор был длиннющий, темный, как туннель – горело только несколько аварийных светильников, да и те на ладан дышали – моргали, искрили, будто вот-вот погаснут. Метрах в десяти левее по коридору одна из дверей была распахнута настежь, и оттуда задувало с улицы – похоже, окно разбито. Огня и дыма нигде не видно, но запах гари все явственнее – похоже, тянет по вентиляции.

Я пошарил в шкафах, надеясь найти какую-нибудь одежду, но наткнулся только на белый халат, висящий на крючке справа от двери. Натянул его прямо поверх простыни. Долго ковырялся с пуговицами – пальцы дрожали и плохо гнулись от холода.

Вышел в коридор, по стеночке обходя разодранный труп, чтобы не вляпаться босыми ногами в растекшуюся из-под него лужу. Почему-то мысли были только об этом. Не о том, кто это вообще был при жизни, и кто с ним мог сделать такое.

Стойку от капельницы я держал перед собой, как копье, только крестовиной вперед. Думал отломать её, но голыми руками не получилось – там надо было открутить пару винтов. Руки предательски дрожали, и, несмотря на холод, я весь покрылся противным липким потом. Чертова слабость! На что я надеюсь? Я сейчас и от кошки не отобьюсь, несмотря на всю свою подготовку. Вся надежда на вбитые тренировками условные рефлексы.

В коридоре гарью пахло еще сильнее. Где-то далеко слева на стене плясали алые отблески пламени. Что-то горит.

Вышел на лестничную клетку, спустился на этаж ниже. Двери на этаж заперты, но стекла в них выбиты – только несколько острых осколков торчат по краям рамы. Справа от двери – пожарный щит. О, там ведь должен топор висеть!

Ага, как же! Голяк. Только пара огнетушителей с черными пластмассовыми конусами.

В оскалившемся стеклянными зубами проеме что-то мелькнуло – где-то там, дальше по коридору. Я пригляделся.

Лампа аварийного света мигала так, что немудрено было эпилептический припадок схлопотать. Поэтому, когда из тьмы навстречу мне вырвалось нечто, я не сразу понял, что это. Вспышки света выхватывали силуэт из тьмы, но каждый раз на новом месте – оно стремительно приближалась. Черное, белое и красное. Белый изодранный халат, кое-как держащийся на плечах. Непропорционально длинные конечности. Грива темных косматых волос. И красные потеки, переходящие от шеи на грудь.

Я вздрогнул, когда тварь грохнулась в закрытую дверь. Перекошенное злобой клыкастое лицо сунулось прямо в отверстие посередине, не обращая внимания на торчащие по краям осколки стекла. Кажется, это раньше было человеком. Женщиной. Но сейчас… Уродливые, будто оплавленные черты лица, непропорционально длинные зубищи и горящие ненавистью глаза. Горящие в буквальном смысле – белки светятся красноватым отблеском, будто в них вкололи какой-то фосфоресцирующей дряни.

Отверстие в двери было слишком маленькое, чтобы тварь сходу смогла в него пролезть, но достаточное, чтобы втиснулась голова, рука, плечо, часть туловища. Я отшатнулся, уворачиваясь от молотящей по воздуху когтистой лапы. Пихнул верещащую гадину в грудь стойкой от капельницы, пытаясь отбросить обратно за дверь. Но она перехватила мое жалкое оружие, вырвала его из рук.

Я стащил с пожарного щита огнетушитель. Увесистый металлический баллон так и вдохновлял приложить им по черепушке, но я не стал даже пытаться. Слабость во всем теле, руки дрожат. Эта озверевшая баба запросто выбьет баллон из рук, да еще и когтями ухватит. Силищи в ней немеряно – двери под ее напором так и ходят ходуном. Хлипкий дверной замок долго не продержится. А может, раньше само деревянное полотно раздербанит.

Отступив, я развернул пластиковый раструб огнетушителя в сторону страшилища и судорожно задергал рычагом. Ч-черт, тут же предохранительное кольцо надо сначала снять…

С громким шипением из раструба хлынуло целое облако белого пара и каких-то хлопьев. Я отдернул руку – пальцы обожгло нестерпимым холодом. Повезло, огнетушитель попался углекислотный. Твари, зажатой в дверях, мало не показалось – она завизжала, как резаная, пытаясь укрыться от струи.

Удерживал огнетушитель секунд двадцать, пока не израсходовал весь заряд. Чудовище, подвывая от боли, обмякло и скрылось по ту сторону двери.

Я бросился бежать.

Еще два лестничных пролета вниз. Раскрытая дверь на этаж. С опаской выглядываю в коридор. Вроде никого. Шлепая по плитке босыми ступнями, бегу дальше – так быстро, как только позволяет разрезанный бок.

Вокруг – тьма, пятна света от аварийных ламп, свист ветра и вспышки странных молний, видимых через окна, выходящие наружу. Изредка доносятся звуки тяжелых ударов, вопли, от которых каждый раз внутри все съеживается. Я уже слабо понимаю, куда бегу и зачем, но мне кажется, что бежать – лучше, чем попытаться забиться в какую-нибудь нору и залечь там. Да нет, не кажется. Я точно знаю, что оставаться на месте нельзя.

Потому что я ***проваливаюсь.***

Я уже забыл, каково это. Годы прошли. Я даже почти смог убедить себя, что это и правда было лишь временное помешательство, помноженное на детские фантазии. Но сейчас…

Окружающие звуки все чаще искажаются, приглушаются, будто доносясь сквозь колыхающуюся толщу воды. А стоит резко повернуть голову – все размазывается, очертания предметов искривляются. По воздуху плывут концентрические круги – как по поверхности воды, когда бросишь в нее камень. Только вибрацию от этих кругов ощущаешь кожей. Они затягивают, как в омут.

Нет, нет, не-е-ет!

Надо успокоиться, но сейчас все отрабатываемые мной на протяжении последних лет практики бесполезны. На бегу не помедитируешь, а адреналин, плещущийся в венах, разгоняет сердце все сильнее.

Следующий поворот. Хлопающие на сквозняке двери справа. А слева…

Кажется, будто часть здания попросту откушена чьей-то гигантской пастью. Дыра в потолке ощерилась погнувшимися зубьями арматуры, обвалившиеся плиты похожи на огромные костяшки домино. Разглядеть что-то подробнее не дает леденящий ветер, бьющий в прореху. А еще – нестерпимо яркие вспышки света. В которых я вижу…

Его.

Темный угловатый силуэт залетает откуда-то сверху и тяжело приземляется на покрытый плиткой пол. Кажется, от удара несколько плиток треснуло. Я, пятясь и прикрываясь от света ладонью, пытаюсь понять, кто это. Поначалу показалось, что какой-то десантник – как в боевиках, спустился по тросу через развороченный потолок, сейчас за ним последуют другие….

Нет, не похоже. Силуэт человекообразный, но вряд ли человеческий. Или в десантники берут даже ребят баскетбольного роста. А на вооружение, помимо классических шлемов и бронежилетов, поступила странная ребристая броня, похожая на хитин. Из нее отовсюду торчат длинные черные шипы. Целый гребень таких наростов на позвоночнике. На плечах, на руках. На внешней стороне предплечий они топорщатся, как зубья чудовищной пилы.

Чужак замер на несколько мгновений, сгорбившись и упираясь в пол всеми конечностями. Потом медленно выпрямился, оглядываясь по сторонам…

Я побежал. Бок резануло болью – кажется, швы начали расходиться. А, плевать!

Сшиб плечом створку двери, вылетел в холодный, пронизываемый ветром туннель – переход между корпусами больницы. С обеих сторон тянутся окна, но стекла целы едва ли в половине. Весь пол – сплошное крошево из инея, залетевшего снаружи мусора и осколков стекла. Не добежав и до середины, накалываюсь босой ступней на что-то острое, спотыкаюсь и падаю. Хорошо хоть не мордой вниз. Едва успеваю ухватиться одной рукой за подоконник, сползаю на пол, прижимаясь спиной к стене.

Бежать дальше совсем не хочется – с дальнего конца коридора, высадив двери одним мощным ударом, приближается еще один. Выглядит совсем по-другому – этакий рыцарь в сверкающих доспехах. Тонкий стройный силуэт, с головы до пят запакован в сложный экзоскелет золотистого цвета. Вычурный высокий шлем, загибающиеся кверху наплечники, за спиной что-то вроде стилизованных крыльев – несколько поблескивающих металлом острых лепестков.

В правой руке у него вспыхивает длинный язык голубоватого пламени, похожий на огонь газового резака, только гораздо ярче и ровнее. Нет, даже не в руке, а где-то сбоку от нее, вдоль предплечья. Крылья за спиной тоже оказываются не украшением. С их лепестков один за другим срываются ослепительно-белые заряды, бьющие через весь коридор.

Шипастый монстр в это время бросается вперед, уворачиваясь от зарядов неуловимо быстрыми движениями. Длинный прыжок – и часть пути он, как зверь, преодолевает на четырех конечностях. Судя по грациозности движений, это для него вполне естественно.

Я кручу головой, напоминая сам себе того психиатра из «Терминатора 2», которого угораздило угодить в схватку между двумя машинами смерти. Только у меня ситуация куда хуже.

Развернуться в этом коридоре особо негде, так что меня тут сейчас размотают, как лягушку в блендере. И даже не заметят.

Но это уже не имеет особого значения. Я замираю и даже не смотрю на схлестнувшихся чужаков – просто пытаюсь унять бешено колотящееся сердце и отодвинуть момент, которого боюсь почти так же, как смерти. Но вибрации вокруг нарастают, отдаваясь болью в висках и знакомым до дрожи ощущением полета.

Сопротивляться уже бесполезно. И я **проваливаюсь.**

Глава 2

Не знаю, как это произошло впервые. Скорее всего, был слишком мал, чтобы запомнить. Но вот последний раз забыть не удастся, наверное, до самой старости.

Я всегда считался проблемным ребенком. Не то, чтобы хулиганил больше остальных, или с учебой были проблемы. Но, начиная с детского сада, за мной закрепилась репутация странного. Да что там – слегка шизанутого. Со всеми вытекающими последствиями.

Сверстники в школе меня особо не травили. Но это, наверное, просто потому, что не оказалось в классе заводил. В таких делах ведь всегда все начинается с одного-двух человек, которые раскачивают остальную толпу. Но и друзей у меня не было. Мало кто даже разговаривал со мной на переменах. И все из-за этих гребаных приступов.

Я не понимал толком, что их вызывает. Стресс, обстановка, скачки давления или гормонов. Но контролировать их у меня не получалось. Как только я начинал проваливаться – наступала паническая атака. Я цепенел. Плакал. Кричал. Часто пытался бежать куда-то. Потому что заметил – когда двигаешься, есть шанс вырваться. Все равно, что нестись по тонкому льду или по прогибающейся под тобой крыше в надежде, что выскочишь на прочный участок. Иногда и вовсе не помнил, что произошло. Говорили, что катался по полу, дергаясь в конвульсиях.

Я жутко всего этого стеснялся. Когда мать водила по врачам – отмалчивался. Внятного диагноза мне так и не поставили. Говорили то об эпилепсии, то о пограничном расстройстве личности. Порой звучали предположения и пострашнее, но тогда мама хватала меня в охапку и тащила прочь. Видимо, не хотела, чтобы я попал из обычной школы в какой-нибудь спецкласс.

И я начал скрывать приступы. Учиться бороться с ними. Хотя тут была палка о двух концах, потому что сами по себе приступы и были некоей защитной реакцией. Если не дергаться – как пить дать, провалишься и окажешься ТАМ.

ТАМ было так страшно и непонятно, что я так и не придумал этому месту названия. На первый взгляд казалось, что ты просто оказываешься в той же самой комнате, только люди вокруг превращаются в серые бесплотные тени. Исчезают все звуки и запахи – будто голову твою оборачивают толстым слоем войлока. Цвета тоже меркнут, уступая место пыльно-серому.

Ты можешь кричать во всю глотку – здесь тебя никто не услышит. Ты можешь биться в стены, но лишь пробьешь их насквозь, вывалившись на другую сторону. Ты можешь пытаться схватить силуэты проходящих мимо людей, сотканные из серого дыма, но они ускользнут сквозь пальцы. Можешь спрыгнуть с крыши, но когда приземлишься – даже не почувствуешь удара по ступням. Здесь вообще почти ничего не чувствуешь, кроме горьковатого привкуса во рту.

Но страшно не это. Страшно, что ты не знаешь, как вернуться.

Хуже всего, если ты прозевал тот момент, когда провалился, и некоторое время еще двигался куда-то. Чем дальше от исходной точки – тем больше все вокруг искажается. Уже через полсотни шагов ты с трудом узнаешь обстановку. А потом и вовсе тебя обступает что-то чужое и чуждое. Жуткие деревья, шевелящие ветвями-щупальцами. Странные скособоченные постройки. Барханы серого песка, больше похожего на пепел. А где-то там, далеко, на пределе видимости, ворочаются огромные глыбы – не то волны, не то спины неведомых чудовищ, тонущие в багровом мареве.

Самые страшные видения этого серого мира – это тень гигантского паукообразного существа, маячащего за пеленой тумана. Этот образ преследует меня до сих пор, частенько являясь во снах. Я уже не помню, из-за него ли у меня развилась арахнофобия, или наоборот, он – лишь следствие. Вопрос того же толка, что и про курицу или яйцо.

Время здесь тоже текло странно – иногда, проплутав в этом бесцветном мире до полной потери сил и заснув, я просыпался от того, что меня тормошил за плечо кто-то из одноклассников, найдя меня в каком-нибудь закоулке, где я валялся, свернувшись в клубок. При этом оказывалось, что прошло совсем немного времени – буквально несколько минут. А случалось, что я, наоборот, пропадал на несколько дней. Так что к регулярным походам по врачам добавились и приводы в полицию. Где я тоже старался отмалчиваться. Как объяснить, что я совсем не собирался убегать из дома? Рассказать о сером мире, чтобы взрослые окончательно убедились, что я псих?

Больше всего меня мучило то, что я никак не мог объяснить или анализировать все эти случаи. Ведь я с детства был очень рациональным. Фантастику на дух не переносил. Даже истории про супергероев с их необычными способностями терпеть не мог.

А может, именно поэтому и не мог. Я и сам был с необычными способностями. Только вот на деле это оказалось ни хрена не круто и не весело.

Я не мог никому открыться. Не мог даже сам для себя толком решить, являются все эти скитания по бесцветному миру реальными, или это просто мои галлюцинации во время приступов. Ведь оттуда ничего нельзя было вынести, нельзя было оставить никаких знаков.

Закончились приступы постепенно. Врачи говорили, что это было как-то связано с половым созреванием. Может быть. Годам к 14–15 я почти поправился. И потерял бдительность настолько, что провалился на целую неделю. А может, и больше – чувство времени ТАМ подводило. Вся техника отказывала, телефон попросту не включался. Еще в детстве я обнаружил, что работали там только обычные механические часы. Но и те странно – в какие-то разы секундная стрелка почти не двигалась, в другие – наоборот, бешено нарезала круги, будто в ускоренной съемке.

Я скитался по пустынному причудливому миру, постепенно сходя с ума от голода, жажды и жутких картин, разворачивающихся передо мной. Часть из этих видений потом долго преследовала меня во снах. Все та же гигантская паучиха, подбирающаяся ко мне из тумана. Страшные серые башни – высоченные, тонкие, похожие на обломанные сухие стебли или полуразрушенные термитники. Массивные бесформенные существа, кажется, полностью сотканные из железных сегментированных щупальцев и десятков светящихся глаз. Гигантская перевернутая пирамида со срезанной верхушкой, стоящая посреди выжженной пустоши с растрескавшейся бурой землей.

Как выбрался – не помню. Очнулся в больнице и первое, что увидел – это опухшие и красные от слез глаза матери. Оказалось, что меня не было почти месяц. Успели объявить в розыск. Прочесывали весь город и окрестности. Лесопосадки, свалки, овраги, заброшенные здания. Потом я еще пару месяцев натыкался на объявления со своей фотографией, расклеенные на столбах и на остановках общественного транспорта.

В тот день я пообещал матери, что это было в последний раз. И мне удавалось сдерживать слово больше десяти лет.

Каким образом? Стало понятно, что главное средство выживания для меня – это самоконтроль. Так что я учился управлять своим телом, своими эмоциями, своими поступками. Контролировать себя всеми возможными способами. Аутотренинг, медитация, у-шу и другие восточные единоборства, жесточайшая самодисциплина.

Со временем все это стало неотъемлемой частью моей жизни, очень повлияло на всю дальнейшую судьбу. Но самое главное – это помогло в борьбе с моим проклятьем. Последний раз я нырял в серый мир в пятнадцать. Недавно мне исполнилось двадцать девять. Почти четырнадцать лет без рецидивов. И именно поэтому меня так ужаснуло возвращение приступов. Я так давно не сталкивался с ними, что уже и забыл, каково это.

Впрочем, сегодня все вообще было иначе. Сегодня провал спас мне жизнь.

Чудовища, превратившиеся в серые полупрозрачные силуэты, схлестнулись в нескольких шагах от меня. Двигались они так быстро, что их выпады сложно было толком разглядеть, плюс мешали размытые следы в воздухе, которые часто оставались в этом мире от движущихся объектов.

Зрелище было завораживающее. Единоборствами я увлекался еще со старших классов школы, поэтому кое-что понимал в схватках, в том числе с холодным оружием. И то, что демонстрировали эти двое – это что-то на пределе человеческих возможностей. Или даже за пределами. Такая скорость движений, такая молниеносная реакция, такая сила ударов…

Огненный клинок золотого чужака был заметен даже здесь, в сером мире. Он светился ярким голубым светом, сейчас еще больше напоминая пламя газовой горелки. А еще…

Я раньше очень редко видел такое, оказываясь здесь. Но когда видел, это обычно означало что-то жуткое и непонятное. В детстве я от таких мест бежал, будто увидев паука размером с теленка.

Яркие пятна. Они в этом мире встречались крайне редко, а потому сразу цепляли взгляд, притягивали. И одновременно пугали. Но сейчас их было очень много. Я никогда не видел столько света в сером мире.

Бушующая за окнами буря была похожа на бесконечный фейерверк – в воздухе роились целые тучи ярко-красных огней, похожих на раскаленные угли. Один из чужаков – тот, что с шипами на доспехах – тоже изнутри светился красным. В золотом это свечение тоже присутствовало, но гораздо меньше. Но зато в обоих внутри блестели, как капельки ртути, какие-то вкрапления – шарики, нити, бесформенные кляксы. Эта тягучая субстанция постоянно двигалась, образования перетекали одно в другое. Не то металл, не то жидкость, не то что-то живое.

Схватка затянулась, но кажется, черный начал побеждать. Я увидел, как он всадил в золотого здоровенный кривой клинок, прикрепленный к предплечью. Как в полную силу пнул его в живот так, что тот отлетел к стене, едва не вылетев наружу через разбитое окно.

Но сдаваться золотой явно не собирался. Броня его трансформировалась, вырастив на левом предплечье небольшой продолговатый щит, которым он начал вполне успешно отражать атаки черного.

От их ударов, кажется, дрожал пол под ногами. Вот черный рвется вперед, пытается достать соперника хуком справа. Тот уходит от удара, и закованный в броню кулак бьет в стену рядом с оконным проемом. В воздух взметаются обломки кирпича и штукатурки – будто не кулаком ухнули, а чугунной бабой, которой здания рушат.

Я потихоньку пячусь назад. Дерущиеся сейчас не могут причинить мне вреда, они лишь бесплотные тени. Но я понятия не имею, сколько продлится мое состояние. Управлять им я никогда не умел. Надо отойти на безопасное расстояние, причем так, чтобы и от бойни укрыться, и от точки проваливания особо не отдалиться. Я решил, что достаточно будет вернуться ко входу в корпус.

Но не успел я преодолеть и половины пути, как навстречу мне метнулось что-то алое, пятнистое, будто гепард. Я инстинктивно съежился и попытался защититься руками. Какая-то бесформенная длиннолапая тварь на полном ходу промчалась сквозь меня и прыгнула на чужаков.

Ярости ей было не занимать, но все остального, похоже, не хватало. В том числе мозгов. Атака ее оказалась самоубийственной. Всего несколько взмахов клинками – и чудовище отлетает в сторону, как кукла с переломанными конечностями.

Но на исход схватки его появление все же повлияло. Золотой чужак первым отвлекся на тварь и пропустил еще пару серьезных ударов. Не обращая внимания на раны, провел мощную контратаку, несколько раз полоснув черного своим светящимся клинком, вдруг ненадолго увеличившимся в размерах. В разные стороны полетели отсеченные куски шипов, украшавших темную броню.

Однако золотой, кажется, недооценил противника. Тот уже рухнул на колено, согнулся под градом ударов, но вдруг рванулся вверх и страшным ударом кривого клинка отсек ему правую руку по локоть, заодно лишая его и оружия.

Отрубленная конечность отлетела на пару метров, разбрасывая брызги светящейся крови. Огненный клинок потух, напоследок оплавив часть пола прямо у моих ног. Золотой же атаковал слаженным залпом из крыльев в упор. Сгустки огня прожгли фигуру черного насквозь, и тот, пошатываясь, рухнул вперед, уже в агонии пытаясь достать противника и придавливая его к полу. Золотой заворочался, пытаясь спихнуть его, но безуспешно. Кровь хлестала из обрубка руки фонтаном, и было удивительно, как он еще не потерял сознание.

Впрочем, продержался он недолго. Поворочавшись еще немного, не в силах спихнуть с себя тело поверженного противника, он тоже замер.

Я некоторое время наблюдал за ними, будто ожидал, что кто-то из них все же очнется. Но оба застыли неподвижно, зато сгустки блестящей массы внутри них, наоборот, бурлили, как песчинки в водовороте. Я, пытаясь разглядеть их получше, подходил все ближе и ближе, пока не встал прямо над телами.

Что это?

Будь я верующим, наверное, пришли бы мысли о душе или о чем-то еще божественном. Но я не раз видел, как отображаются люди и животные здесь, в этом сером мире. Ни у кого не было ничего подобного. Иногда попадались типы с небольшими красными пятнышками внутри, но очень редко. А тут…

Блестящая субстанция в теле золотого воина распределилась на несколько клякс, пульсируя и вытягивая в стороны тончайшие нити. Особенно много ее было в культе отрубленной руки и в грудной клетке. Уж не знаю, жив ли сам ее носитель, но эта странная масса точно активна. А вот у его противника вся собралась в идеальный шарик в районе солнечного сплетения – зеркальный, блестящий, похожий на каплю ртути.

Шарик этот завис, подрагивая, будто поплавок при поклевке. В отличие от ярких жгучих искр, которыми была полна буря за окном, эта живая ртуть не вызвала чувства тревоги. Наоборот, манила. Так и хотелось коснуться глянцевой поверхности, чтобы проверить – окажется ли она твердой, или легко прогнется.

Я потянулся к шарику, но тут же замер, потому что тот явно отреагировал на мое движение. Чуть подождав, я так же осторожно, будто пытаясь погладить незнакомого пса, наклонился, почти касаясь призрачного тела чужака. Впрочем, касания в этом сером мире – вещь довольно условная…

Ртутный шарик вспорхнул на мою ладонь. Уместился легко – размером он был чуть крупнее мячика для настольного тенниса. Не успел я толком им полюбоваться, как субстанция, из которой он состоял, снова потеряла стабильность и растеклась по моей ладони бесформенной кляксой, быстро распространяясь дальше по руке.

У меня дыхание перехватило от неожиданности.

Больно не было. Вообще никаких ощущений, кроме легкого покалывания. Но скорость, с которой эта штука начала захватывать всю поверхность тела, меня ошеломила. Еще немного – и я превратился в этакого жидкого терминатора. Сердце снова заколотилось в приступе панической атаки. Я, может, только что сотворил огромную глупость. Что, если это какой-то инопланетный паразит?

Покалывание уже подкатилось к самому горлу, перешло на подбородок. Я попытался оттереть блестящую пленку с лица, но это было бесполезно – она быстро растекалась все выше. Зажмурился, когда она дошла до век. Стиснул зубы…

Кожу вдруг обдало нестерпимым холодом. Я открыл глаза, и вдруг увидел, что снова в реальном мире. Стою посреди перехода между корпусами больницы, в разбитые окна вовсю

задувает ветер с колким снегом и черными хлопьями, похожими на пепел. Поверженные чужаки валяются у меня под ногами безжизненными грудами металла.

А вот и набросившаяся на них тварь. Похожа на ту, что я отпугнул огнетушителем. Только эта раньше, похоже, была здоровым грузным мужиком. Даже одежда частично сохранилась – потрепанные джинсы, разорванная на спине черная футболка.

Да что здесь творится-то?! Таки грянул зомби-апокалипсис? А вот эти вояки в странных скафандрах тогда кто?

Запахивая на себе халат поплотнее, я огляделся, выбирая, возвращаться ли в корпус, из которого пришел, или двигаться дальше. Времени для размышлений не было – ветер здесь, в переходе, был просто ледяной, пронизывающий до самых костей. По ощущениям, за окнами было минус двадцать, не меньше.

Я все же решил вернуться. Там, позади, по крайней мере, хоть немного разведанная область. Побрел, прихрамывал на правую ногу, оставляя за собой кровавые отпечатки. Острый осколок, которым я располосовал ступню, к счастью, не застрял, но рану оставил глубокую.

Под ноги попалась отрубленная рука золотого воина. Выглядела она скорее как конечность какого-нибудь навороченного робота – сплошная металлическая перчатка из множества мелких сегментов, обтекаемой формы наруч с утолщением на внешней стороне. Однако на срезе явственно виднелась влажная алая плоть с острым обломком кости.

Я, борясь с отвращением, поднял жутковатый трофей. Рука оказалась гораздо легче, чем я ожидал – будто металл, из которого сделан доспех, был каким-то бутафорским. Не сталь точно, и даже не алюминий – слишком легкий. И все еще теплый, несмотря на мороз.

Утолщение на наруче заканчивалось узким овальным соплом, из которого, видимо, и вырывался плазменный клинок. Я невольно развернул его в сторону от себя, опасаясь непроизвольного срабатывания.

Сам наруч со встроенным в него оружием и особенно перчатка поражали тонкостью работы. Десятки мелких деталей, идеально подогнанных друг к другу, при этом образующие гибкую подвижную конструкцию, обхватывающую руку, будто вторая кожа.

Это надо сохранить. Будет доказательством того, что я видел все это собственными глазами. Правда, чтобы предъявлять это доказательство, для начала надо выжить. А для этого, как минимум, найти какое-нибудь укрытие. От холода, от ветра. От тварей, рыскающих по коридорам и не боящихся даже запакованных в экзоскелеты чужаков.

Взрыв долбанул, когда я добрался до лестницы. Кажется, содрогнулось все здание. Что это было – непонятно. Газовые баллоны где-то ухнули? Здание обстреляли из чего-то мощного? Или в него что-то врезалось?

Строить теории было некогда. Я, не чуя ног, скатился вниз по лестнице. Один пролет, второй. Запертые наглухо двери. Еще два пролета…. Кажется, там уже подвал.

Точно, тупик. И массивная дверь – железная, обитая вагонкой. К счастью, приоткрытая.

За дверью царил почти полный мрак. Похоже, во всем здании сдохли даже аварийные светильники. Я прошлепал по кафельному полу, натыкаясь на что-то железное – не то столы, не то каталки, и каждый удар сопровождая коротким ругательством.

Здесь стоял какой-то тяжелый запах. Больничный вперемешку с чем-то тошнотворным… Будто испортившееся мясо. Но зато было заметно теплее, чем наверху, потому что окон не было.

Ч-черт, да это же морг! Я невольно замер, оглядываясь. Глаза немного привыкли к темноте, и уже можно было различить установленные в ряд столы. На некоторых белело нечто, прикрытое простыней. От одного из тел и несло так, глаза заслезились. Явно несвежее. Возможно, какой-нибудь жмурик с улицы. Привезли, но не успели положить в холодильник до того, как все это началось.

Первым порывом было бежать обратно. Но, вспомнив про холод, тьму и чудовищ снаружи, передумал. По крайней мере, здесь теплее.

Я вернулся и закрыл дверь плотнее. Заперся на три оборота – тут оказался старый врезной замок, как в обычной квартире. Вообще, больше похоже на запасной выход, наверняка где-то есть и основной.

Глаза все лучше привыкали к темноте. Вскоре я стал различать предметы вполне явственно, только в какой-то странной красноватой гамме. Очертания некоторых из них – например, столов или дверных проемов – начали выделяться заметными красными линиями, облегчая ориентирование.

Я даже зажмурился, помотал головой, отгоняя наваждение.

Да нет, не показалось. Под веками странно пощипывало, будто в глаз что-то попало. Но ощущения были вполне терпимыми, не болезненными. Да и вообще эффект ночного зрения был, прямо скажем, очень кстати.

Стараясь не дышать носом, я пробрался через зал с железными столами. Обследовал остальные помещения неподалеку. Какая-то подсобка с медицинской утварью. Еще одна подсобка. В конце короткого коридора – железная дверь. Заперта. Отлично, вот он и второй выход.

Я продолжал ковылять по моргу, морщась и прихрамывая от боли в раненой ступне. Порез, насколько я успел разглядеть до этого, был неглубоким, но длинным, обильно кровоточил и прожигал меня болью при каждом шаге. Терпеть можно, но очень неприятно. В моей ситуации единственное, что я смог предпринять, чтобы обработать рану – это оторвать полосу ткани от своего больничного халата и перемотать ступню, чтобы хотя бы грязь не попадала.

Еще одна подсобка. Или, скорее, раздевалка – судя по ряду узких деревянных шкафчиков. О, а рядом – что-то вроде кабинета. Письменный стол, компьютер, старый продавленный диван в углу, накрытый плотным пледом.

Дверь кабинета тоже запиралась изнутри – правда, на хлипкий замочек, встроенный в ручку. Да и само полотно было легким, почти картонным. Дешевенькая межкомнатная дверь с узкой вставкой стекла посередине. Но тоже лучше, чем ничего.

Положив отрубленную руку чужака на стол, я устроился на диване. Адреналин уже давно схлынул, меня снова накрыла слабость и отходняки после наркоза. По-хорошему, мне бы сейчас поспать хоть пару часов. Глаза слипались так, что я с трудом их удерживал открытыми. Единственное, что меня бодрило – это вспышки боли в ноге. Но и они, как ни странно, начали постепенно затухать.

Я даже замер, прислушиваясь к ощущениям. Боль… уходила. Стоило сосредоточиться на этой мысли – как ступню и вовсе перестало дергать. Совсем. Я даже специально перенес вес тела на одну ногу, покачался взад-вперед.

Мистика какая-то…

Я устроился на диване, свернувшись в клубок и закутавшись в пропахший куревом плед. Нужно было согреться – от холода меня уже колотило так, что зуб на зуб не попадал. Я замер, медленно дыша и следя за сердцебиением. Простейшая разновидность медитации, чтобы прислушаться к себе…

Чувство холода тоже вдруг отступило. Именно вдруг. Слишком быстро, я бы не успел так быстро согреться, даже если бы вместо пледа меня бы накрыли двумя ватными одеялами. Такое впечатление, что организм начал напрямую реагировать на осознанные запросы. Будто там какие-то секретные кнопки и переключатели появились.

Со зрением, например, по-прежнему творилась какая-то чертовщина.

Я прекрасно различал очертания окружающих предметов. А не должен был, это точно. Помещение-то подвальное, без окон, источников света нет вообще. Тут даже кошка, наверное, ничего бы не увидела – полный мрак. Но для меня контуры предметов подсвечивались тонкими светящимися линиями.

Особенно выделялась отрубленная рука, лежащая на столе. Внутри нее даже стали видны какие-то ярко светящиеся силуэты. Два кристалла неправильной формы, обрамленные плотной оправой, похожей на звенья цепи.

Вообще, все, что я видел перед собой, все больше напоминало картинку с какого-то прибора. Перед глазами то и дело мелькали какие-то окружности, линии, странные пятна, мелкая светящаяся крупа… Глаза продолжало пощипывать, и я даже аккуратно потер веки пальцами, вызвав целую чехарду цветных всполохов.

Так, понятно. Лучше не трогать…

Что происходит? Пока у меня было только одно объяснение – та блестящая, похожая на ртуть субстанция, впитавшаяся в меня, явно как-то на меня воздействовала. И пока вроде бы благоприятно. Это хорошая новость. Плохая – в том, что я пока никак не управляю этим процессом. А я терпеть не могу, когда что-то выходит из-под контроля.

Я сосредоточился на этой мысли. Мне нужен контроль над ситуацией. Если у этой штуки есть какой-то механизм обратной связи – мне нужно нащупать его.

Светящиеся линии и пятна вдруг начали складываться в более четкие картинки, зависающие передо мной в воздухе.

Да это явно надписи! Но на каком-то непонятном языке. Не похоже ни на кириллицу, ни на латиницу, ни на арабскую вязь, ни на китайские иероглифы. Скорее на какие-то руны – угловатые, будто изломанные.

Я не понимаю!

Смена символов. Но язык, похоже, тот же, просто надпись другая.

Не понимаю!

Перед глазами всплыла светящаяся трехмерная проекция человеческого тела, сотканного из тонких красных линий. На правой ступне и на животе были отмечены алым свечением продолговатые зоны. Снова надписи внизу – длинная и две коротких.

Так… Это уже похоже на интуитивно понятный визуальный интерфейс. И если это так, то надписи внизу – это вопрос и варианты ответа. Скорее всего, «Да» и «Нет». Но что за вопрос? Раз до этого подсветили на схеме разрез от аппендицита и кровоточащую ступню – то значит, что-то связанное с моими ранениями.

Ну да, я ранен. И мне нужна помощь.

Кажется, интерфейс отреагировал. Я вдруг почувствовал холодок, скользнувший по моему животу. Приподнял одеяло, распахнул халат и чуть не вскрикнул.

По моей коже, так же, как там, в сером мире, начала растекаться светящаяся в темноте серебристая пленка ртути.

Глава 3

Бывает так – проснешься внезапно, чуть ли не подскочишь на кровати. А потом не можешь понять, почему. Не то что-то услышал сквозь сон, не то почувствовал.

Впрочем, то состояние, в котором я пребывал, и сном-то назвать сложно. Это было какое-то оцепенение, сопровождающееся легким бредом. Я осознавал, что валяюсь на старом продавленном диване, а за дверью – подвальное помещение морга. Воспоминания о событиях последних часов не отпускали – жуткие образы один за другим всплывали в воспаленном мозгу, будто пытаясь прочнее закрепиться в памяти. При этом они причудливо перемешивались с детскими кошмарами. Серый мир, огромная паучиха, призрачные дома, страх и одиночество…

Сквозь эти видения все настойчивее пробивались мои собственные спутанные, лихорадочные мысли. Я пытался понять, что происходит и что делать дальше. Первая реакция – неприятие, отрицание – прошла довольно быстро. Да, я, конечно, был не совсем в форме после общего наркоза, но я же не спятил. Все происходящее – вполне реально. И аномальная буря за окном, и чудовища, и схватка двух чужаков.

И странная субстанция, похожая на ртуть, впитавшаяся в мое тело.

Эта штука точно воздействовала на меня. Пока не получалось это четко контролировать, но я уже понял, что она реагирует на мои желания, даже не высказанные вслух. Я попал в темное помещение, пытался разглядеть что-то – и вот она вырастила на глазных яблоках что-то вроде контактных линз, позволяющих видеть в темноте. Меня беспокоила боль в порезанной ноге – и она ее убрала. Нужно было залечить раны – она принялась за это. И даже этот мой сон был возможен только благодаря ей. Сам бы я заснуть сейчас не смог, но при этом понимал, что нужно отдохнуть и восстановиться. Вот и погрузился в этакую дрему.

Помогло. Чувствовал я себя все лучше. Ничего уже не болело, мерзкая слабость и тошнота ушли. Разве что жутко проголодался, а во рту пересохло от жажды. Да и мысли приходили в порядок. Правда, от этого как раз было не легче. Чем больше я думал о произошедшем, тем тревожнее становилось.

Что, если эта странная хрень накрыла весь город, и теперь повсюду разруха и шастают чудовища? Настоящий конец света, как в голливудских блокбастерах. Я бы, конечно, сейчас предпочел оказаться по другую сторону экрана. Но дело даже не в этом. Я не за себя боялся.

Лиска…

С Ольгой мы познакомились в универе. Роман у нас был яркий, красивый, но, увы, мы поздновато сообразили, что на одной страсти отношений не выстроишь. Ранние браки – вообще зло. Промучились два года, пока окончательно друг друга не возненавидели. Потом развод, долгое зализывание ментальных ран, взаимные обиды…

Легче всего было просто все забыть и идти дальше, если бы не одно «но». Дочка. Алиса. Сейчас уже шесть с половиной. Живет с матерью на другом конце города. И если их тоже зацепило… Брр! От одной мысли, что с моей маленькой принцессой что-то может случиться, мне становилось дурно. И, возможно, именно эта тревога в итоге и выдернула меня из зыбкого сна.

Или все же нет?

Я оглянулся по сторонам, прислушался… и невольно замер. По коже пробежали мурашки.

Сквозь стеклянную вставку в двери сочился слабый свет. А еще из-за нее доносилась негромкая печальная музыка. Играли на чем-то вроде флейты. Мелодия была незнакомая, но красивая, да и исполнение на высоте – я даже заслушался.

Было не по себе. В груди заворочалось смутное ощущение тревоги. Я все, что угодно ожидал услышать – отголоски сирен или новых взрывов, завывания бури, крики. Но эта тишина, нарушаемая лишь звуками флейты, нагнетала саспенс похлеще, чем в фильмах ужасов.

Осторожно, стараясь двигаться бесшумно, я поднялся с дивана. Из одежды, помимо больничного халата на голое тело, я так пока ничего и не раздобыл, так что пришлось набросить на плечи махровый плед с дивана – в комнате все еще было довольно холодно.

Медленно повернул дверную ручку…

Свет исходил от старинной стеклянной лампады, стоящей на углу одного из смотровых столов. Вещь эта настолько выбивалась из окружающей обстановки, что я невольно зацепился за нее взглядом. Продолговатая стеклянная колба, внутри которой трепещет язычок живого огня. Витиевато украшенная металлическая оправа с рукояткой, позволяющей переносить лампу за верхнюю часть.

На другом краю стола, небрежно сдвинув в сторону простыни, сидел мужчина в потрепанном кожаном пальто со стоячим воротником, скрывающим большую часть его лица. Резную деревянную дудку он держал осторожно, кончиками пальцев, будто боясь повредить.

Заметив меня, он встрепенулся и прекратил играть. Улыбнулся, как старому знакомому.

– О, я тебя разбудил? Извини, не хотел. Хочешь выпить?

Он протянул темную стеклянную бутыль без этикетки, в оплетке из толстого шпагата.

Пить и правда хотелось зверски. Но прежде чем подойти к незнакомцу, я настороженно огляделся по сторонам.

В зале морга больше никого не было. Ну, точнее, больше никого живого. Снаружи не доносилось никаких звуков. Буря утихла? Хорошо бы. Надо выбираться отсюда. Добраться до своих вещей, до телефона, позвонить Ольге, спросить, узнать, как они там с Лиской…

Я невольно вздрогнул и поежился – частично от холода, но больше из-за мыслей о дочери. Успели ли они с Ольгой укрыться? Или, может, их вообще все это не коснулось? В глубине души до сих пор хотелось верить, что все это – лишь сон или бред после наркоза.

Но вряд ли. Все взаправду. И даже этот вот странный тип передо мной – точно реален.

Незнакомец молчал, разглядывая меня с неприкрытым любопытством и продолжая держать бутылку в вытянутой руке. Улыбка его была открытой, обезоруживающей. Хотя сам он производил какое-то двойственное впечатление. Я его поначалу за бомжа принял из-за потертого плаща. Но, похоже, ошибся.

Постарше меня. Лет, наверное, сорок пять – пятьдесят. Взъерошенные черные волосы с проседью, короткая бородка, обрамляющая породистое холеное лицо. Нос с горбинкой, изящный росчерк бровей. Такое лицо больше подходит какому-нибудь аристократу.

– Вы кто такой вообще? – спросил я, наконец, принимая из его рук бутылку.

– О, просто уставший скиталец. Я не хотел тебя напугать.

– Да я и не боюсь, – буркнул я и сделал осторожный глоток.

Вино. Судя по ярко выраженному букету – красное, с добавлением каких-то пряностей. Я сделал еще пару больших глотков и чуть не причмокнул от удовольствия. Не очень разбираюсь в алкоголе, употребляю редко. Но уж точно не пил ничего вкуснее.

Я с трудом оторвался от бутылки и вернул ее незнакомцу.

– Нет, нет, оставь себе, – отмахнулся он. – Тебе еще пригодится.

– Спасибо. Так кто вы? Имя-то у вас есть?

– Имя? – рассеянно переспросил он. – Да, конечно. Сколько угодно имен. Но большинство из них ничего тебе не скажет. К тому же, неужели это действительно то, что тебя сейчас интересует больше всего?

– И то верно, – осторожно проговорил я, делая еще один глоток из бутылки. Покосился на дверь в дальнем конце зала. Я ведь запирал ее. Обе двери. Или тут есть еще входы?

Мужик в плаще неотрывно смотрел на меня, разглядывая, будто диковинное насекомое. Взгляд был вроде бы и не враждебный, но какой-то… нездоровый. Еще и глаза разного цвета, я только сейчас заметил эту странность. Правый глаз темный, почти черный, левый – почему-то зеленый.

Кажется, у него с головой не совсем в порядке. Какой-то городской сумасшедший?

– Вы знаете, что творится там, снаружи? – спросил я. – Буря уже утихла?

– Да, почти полностью. Первые часы жатвы самые жуткие. Оно и неудивительно. Ткань мироздания трещит по швам под натиском слепого пожирателя, – он неодобрительно покачал головой и цокнул языком. – Они думают, что приручили его. Что используют его силу в своих целях. Но когда-нибудь они доиграются.

Блин, да что ж ты такое несешь? Точно какой-то сумасшедший. Остается надеяться, что не буйный.

С психами, насколько я знаю, лучше вести себя осторожно, делая вид, что все в порядке. И пытаться вывести их на разговор о чем-то конкретном, приземленном. Поэтому я снова вернулся к теме бури, но перефразировал вопрос.

– Так что думаете – там, снаружи, уже безопасно?

– Безопасно? – снова медленно переспросил незнакомец – с некоторым удивлением, будто обкатывая это слово на языке. – Нет, мой друг. Боюсь, тебе надолго придется забыть, что значит безопасность. Хотя…

Он огляделся.

– Здесь, пожалуй, неплохое укрытие. Если останешься и как следует укрепишь выходы – есть шанс продержаться. День. Может, даже два.

– Торчать здесь я точно не собираюсь.

– Почему? Разве ты не хочешь выжить?

– Хочу, конечно. Но я не могу прятаться здесь до бесконечности. Мне нужно отыскать дочку и бывшую жену, убедиться, что с ними все в порядке.

– Снова боюсь огорчить тебя, но вряд ли с ними все в порядке. Половина гелотов гибнут в первый же день жатвы. А из оставшихся еще половина разделяют их участь чуть позже. Увы, это своего рода дань слепому пожирателю. Таковы правила игры.

– Ну, ты накаркай еще! – зло огрызнулся я. Незнакомец окончательно перестал вызывать симпатию. – Для начала я их найду, а там посмотрим. Могу я взять твою лампу? Надо поискать кое-что, а в темноте не очень удобно.

Он пожал плечами и снова принялся наигрывать на своей дудочке.

Я взял лампаду и перенес ее в соседнюю комнату – туда, где до этого видел ряд узких вертикальных шкафчиков, похожих на те, что обычно устанавливают в раздевалках.

Да, так и есть. Раздевалка. Часть шкафчиков занята под всякое барахло, но в трех из них я нашел одежду – более-менее подходящие по размеру джинсы, футболку, какую-то мешковатую толстовку. Даже кроссовки мужские нашлись. Немного великоватые, но все равно это куда лучше, чем ничего. Да и временно все это. Мне бы до своей палаты добраться, а там уж переоденусь.

Я и сам не заметил, как попутно допил вино, подаренное незнакомцем. Пустую бутылку поставил на пол около стены. Опьянения почти не почувствовал – голова немного закружилась, но быстро прошло. А вот чувство голода преследовало все настойчивее.

Самому флейтисту тем временем, похоже, надоело сидеть, и он начал прохаживаться по моргу, тяжело грохая каблуками – так, что по всему залу эхо прокатывалось. В кирзачах он, что ли? Или в берцах каких-нибудь тяжеленных, с набойками…

Когда я вернулся в основной зал, незнакомец как раз остановился рядом с одним из тел, откинул ему простыню с головы. Причем покойника рассматривал все с тем же неприкрытым, искренним интересом – так дети смотрят, которым еще не объяснили, что это не совсем прилично. Хотя, Лиска у меня до сих пор такая. Любопытная варвара…

Воспоминания о дочери снова резанули тревогой. Верить в худшее не хотелось. Да, снаружи сегодня ночью творилось что-то страшное. Но я же, к примеру, выжил. Надо надеяться, что и с ней все в порядке. И если она жива – я должен быть рядом, и как можно скорее.

– Ты все же собираешься наружу? – оторвавшись от своего сомнительного зрелища, спросил мой незваный собеседник.

– Я же уже сказал, – раздраженно отозвался я. – Мне нужно отыскать моих близких.

– Да, да… – рассеянно кивнул он, задумчиво пройдясь между столами. – Но это может немного нарушить наши планы…

Походка у него была какая-то странная – он выгибал спину, смещая центр тяжести чуть вперед. Длинный кожаный плащ, весь в потертостях и прожженных пятнах, скрадывал его фигуру. Но я, почуяв неладное, осторожно сделал шаг в сторону и заглянул вниз, на его ноги.

Так вот почему он так грохочет при ходьбе. Это у него не каблуки.

Копыта.

По спине пробежал холодок. Никогда не верил во всю эту потустороннюю ерунду, но после вчерашнего уже во что угодно поверишь.

– Что-то не так? – обернулся козлоногий, взглянув на меня через плечо.

– Да так… Сдается мне, я знаю одно из ваших имен, – осторожно сказал я.

– Возможно, – он безразлично пожал плечами. – Хотя и вряд ли. Я уже и забыл, когда в последний раз посещал ваш мирок. Да и вообще, посещал ли.

– Что вам от меня нужно?

– Понимаешь ли, в чем дело… – он замялся, задумчиво поглаживая бородку. – Ты очень интересный экземпляр. И сразу же, как ты попался мне на глаза, я понял, что можно заключить отличное пари. Я, знаешь ли, просто обожаю пари!

На последней фразе он действительно оживился. Мне даже показалось, что глаза его вспыхнули огнем. Хотя, возможно, это просто отсвет от лампы.

– Извините, но я не собираюсь заключать никаких пари. Или сделок, – ответил я, стараясь говорить спокойно и твердо. – Насколько я знаю, они не заканчиваются для нас, смертных, ничем хорошим.

– О, ты не совсем понял, – снисходительно улыбнулся козлоногий. – Пари уже заключено. Между мной и моей сестрой. Но если ты помрешь раньше времени – то испортишь нам всю игру. Поэтому я и пытаюсь отговорить тебя от опрометчивых решений. Это в наших общих интересах.

– С сестрой? Не знал, что у вас есть сестра.

– Откуда же тебе знать? – удивился он. – А, я понял. Ты принимаешь меня за какое-то существо из местного фольклора. Это пустая затея. Да, я, как и другие обитатели Заарума, частенько посещаю миры смертных под разными обличьями. И эти посещения приводят к рождению множества легенд, слухов, суеверий. Но все это – будто отражения на колышущейся поверхности пруда. Детали искажаются, общая картинка рассыпается…

– И все же я воздержусь от любых сделок… Что тут смешного?

Козлоногий действительно откровенно потешался, глядя на меня.

– Извини, извини. Просто вы, смертные, порой такие забавные. Считаете, что и правда можете что-то решать. Хотя свобода выбора для вас – всего лишь иллюзия. Тонкое, невидимое глазу кружево великой ткачихи. Нити человеческих судеб непрестанно скользят меж ее пальцев, и лишь ей одной дано видеть узор, в который им предстоит сплестись…

Говоря это, он задумчиво шевелил в воздухе пальцами, будто и сам пытался ухватить невидимые нити.

– И что дальше? – напрягся я. – Вы помешаете мне уйти?

– Нет, что ты! – козлоногий шутливо поднял руки в жесте «сдаюсь». – По правилам нашего с сестрой спора, мы по возможности вообще не будем вмешиваться. Нам интересно, куда тебя приведет череда твоих собственных решений.

– Вы же только что сказали, что свобода выбора – это иллюзия.

– Верно. Скажу больше: весь твой мир – лишь песчинка в бескрайнем океане мироздания. А вся твоя жизнь, от начала до конца – лишь мимолетный морок. Но это ведь не мешает тебе цепляться за нее? Бороться, любить, страдать, ненавидеть. И даже находить в ней какой-то смысл.

– Знаете, мне сейчас правда не до философствований, – раздраженно поморщился я. – Так что – спасибо за вино, но я, пожалуй, пойду.

Я и правда развернулся и направился к выходу. Я не из пугливых, но находиться в одной комнате с этим… существом было не по себе. Он, конечно, не бросается на меня, как вчерашние чудовища. Но, кажется, пытается заморочить мне голову. И еще неизвестно, что хуже.

– Ты ничего не забыл?

Обернувшись, я вопросительно взглянув на козлоногого через плечо.

– Снаружи все еще очень опасно. И раз уж ты так рвешься испытать это на своей шкуре, так почему бы не увеличить свои шансы на выживание?

Он повел рукой, и дверь в кабинет, в котором я ночевал, сама собой раскрылась нараспашку.

Точно! И правда, совсем забыл про свой жутковатый трофей. Я сходил в кабинет и забрал отрубленную руку. Положил ее на смотровой стол, придвинул поближе лампу.

Козлоногий продолжал наблюдать за мной с загадочным видом. Покосившись на него, я спросил:

– Может, вы знаете, что это? И смогу ли я это использовать? Здесь ведь наверняка какая-нибудь защита от несанкционированного использования…

– Защита, конечно, есть. Это древний арранийский артефакт, и воспользоваться им могут только арраны, обладающие достаточной чистотой крови.

– Я так и думал. Попробую надеть эту штуку – и она мне руку отрежет, или что-нибудь в этом духе…

– Ты осторожен и благоразумен, – кивнул мой странный собеседник. – Хорошие качества. Но сейчас ты зря беспокоишься. Твое тело ведь уже приняло амальгаму. А она тоже подчиняется только primum sanguis… или как там на вашем языке… носителям гена Изначальных.

– Уф… Бред какой-то, – не выдержал я.

Прошелся из стороны в сторону, растер лицо ладонями. Весь этот разговор чем дальше, тем больше напоминал какое-то чудовищное наваждение. Голова шла кругом. Но нужно собраться и отбросить эмоции. Возможно, мне и правда не стоит торопиться покидать морг. Здесь пока безопасно, и есть куча вещей, с которыми надо разобраться прежде, чем двигаться дальше.

И козлоногий, хоть и вызывает подсознательный ужас, сейчас для меня ценный источник информации. При условии, что ему можно верить, конечно.

– Как вы сказали? Амальгама?

– Да. Тот живой металл, что ты подобрал с трупа аррана. К слову, ты мог бы добить и второго. Получил бы раз в пять больше.

– Как-то не до того было. Да и не убийца я. Но что это за штука?

– Ну, в этом тебе лучше разобраться самому. Скажу лишь так – если уж ты пока опасаешься попробовать оружие арранов, то научись хотя бы управлять своим даром. Амальгама может в этом помочь.

Он и про это в курсе? Впрочем, меня уже ничего не удивляет.

– Как?

– И в этом тебе тоже надо разобраться самому. Но ты ведь, кажется, уже начал понимать, что к чему. Раны-то сумел залечить.

– Да… – рассеянно кивнул я, все еще разглядывая отрубленную руку на столе. – Гены Изначальных, говорите? И что это значит? Что я какой-нибудь избранный, или что-то в этом духе? Я и так себя чувствую, будто герой дурацкого фантастического фильма…

– Избранный… – эхом повторил козлоногий, будто снова пробуя незнакомое слово на вкус. – Ну, в некотором роде. Ведь мы с сестренкой выбрали тебя для нашей… забавы. Но если ты про primum sanguis – то нет. Это не такая уж редкость. Следы генов Изначальных присутствуют у жителей многих миров. Древние арраны успели здорово наследить. В вашем мирке они тоже плотно обосновались в свое время. Несколько тысяч лет назад.

– Но у меня, выходит, не просто следы? Раз меня приняла амальгама?

– Правильный вопрос. Я ведь уже говорил – ты очень занятный экземпляр. С очень редким по нынешним временам даром. Интересно, откуда он у тебя. Кто твои родители?

– Отца я не помню, он умер, когда мне было года два. Мама… Да обычные они люди. И я сам – обычный человек. Польщен, конечно, вашим вниманием. Но, может, обойдемся без всего этого?

Козлоногий рассмеялся.

– Обычный человек? – переспросил он. – Ну, не скромничай! Ты весьма незауряден. И ты уж точно не человек. Ну, разве что на какую-то долю. Впрочем, и арраном тебя назвать нельзя, несмотря на значительную примесь крови Изначальных…

Он смотрел на меня задумчиво, с прищуром, будто прямо сейчас раскладывал под микроскопом мои цепочки ДНК.

– Да уж, очень, очень занятный экземпляр. Полный иммунитет к игнису, способность уходить на изнанку, а может, и между слоями ткани мироздания… Конечно, не полноценный адхва-га, но, возможно, твой потенциал просто не раскрыт…

Демон так погрузился в свои размышления, что дальше забормотал что-то на незнакомом языке.

– Адхва… что? – переспросил я его, чтобы снова привлечь к себе внимание.

– Эм… Ныряльщик, – пояснил он, потеребив в воздухе пальцами в поисках подходящего слова. – Так называли древних арранов, которые умели самостоятельно путешествовать между мирами, без всяких приспособлений. Их потомки уже давно растеряли этот дар. Ну, впрочем, как и все остальное. Остатки их цивилизации – вообще печальное зрелище. Особенно для того, кто видел их расцвет.

– Но что сейчас вообще происходит? Вторжение? Эти ваши арраны хотят захватить наш мир? Тогда почему они дерутся между собой?

– О, я понимаю, у тебя масса вопросов, мой друг, – мягко улыбнулся козлоногий. – Но я здесь не для того, чтобы отвечать на них. Ты во всем постепенно разберешься. Если выживешь.

– Для чего же вы тогда здесь? И что за пари заключили на мой счет?

– Предмет спора я раскрыть не могу, это испортит всю забаву.

– А мне-то какое до этого дело? Я не хочу быть пешкой в вашей игре!

– Здесь мало что зависит от твоего желания, – вздохнул козлоногий. – И я сейчас даже не о нашем пари. Там, снаружи, тоже сейчас идет своеобразная игра. И твои сородичи там даже не пешки, а просто трофеи. Лишь у тебя есть шанс стать чем-то большим. Поэтому ты и привлек наше внимание.

– Почему бы вам тогда просто не помочь?

– Так я с радостью, – призывно развел он руками. – Правда, моя помощь, как и помощь моей сестрицы, имеет свою цену. В этом и суть нашей игры. Посмотреть, на что ты готов ради своих целей. И куда они тебя приведут.

Так я и знал. Все-таки мне предлагают сделку с дьяволом. Ну, хорошо, не с дьяволом, но с кем-то, очень похожим.

– И что же мне нужно будет отдать взамен? Душу?

– Душу… – снова задумался козлоногий, встретив незнакомое слово. Но потом насмешливо фыркнул. – Нет, что за глупости! Несмотря на все твои способности, ты ведь просто смертный. У тебя нет, да и не может быть ничего такого, что представляло бы ценность для заарумита. Поэтому, говоря о цене, я имею в виду нечто… не совсем осязаемое. Об эмоциях, которые вся эта игра может подарить нам. Об уроках, которые она может нам преподнести.

Опять какие-то философствования. Это уже начинало раздражать.

– Ну а помощь-то ваша тоже будет… неосязаемой? – проворчал я. – Что вы вообще можете?

Лицо козлоногого вдруг потемнело, глаза сверкнули алым пламенем. И на этот раз это точно был настоящий огонь.

– Совет на будущее: не стоит задавать таких вопросов таким, как я. Это верх дерзости. Но спишем это на шок и на то, что ты не имел опыта общения с обитателями Заарума. Я даже отвечу. Я могу… многое. Определись для начала со своими желаниями.

– Мы ходим по кругу, – процедил я. – Я уже третий раз повторяю – у меня там, в городе, дочка! Шесть лет. И главное, чего я сейчас хочу – чтобы с ней все было в порядке. И еще хочу быть рядом, чтобы защитить ее, если понадобится. А вместо этого теряю время на всякую болтовню!

Демон многозначительно хмыкнул и пригладил острую бородку.

– Она вообще… жива? – спросил я. – Это вы сможете узнать?

– О, она жива, – беспечно отмахнулся козлоногий. – И почти невредима. Но, увы, нельзя сказать, что она в полной безопасности. И ты вряд ли успеешь добраться до нее прежде, чем…

Я скрипнул зубами, а правая ладонь сама собой сжалась в кулак. Очень хотелось заехать этому типу по его холеной роже. Но я понимал, что не смогу этого сделать. Демон, хоть и выглядел довольно безобидно, пугал. Даже просто находиться с ним рядом было неуютно, не говоря уж о том, чтобы коснуться его.

Но все же… Если он и правда столь могущественен, как говорит – то я должен попытаться.

– А вы сможете защитить ее? Пока я сам до нее не доберусь?

– Это твое желание? – оживился он. – Ради которого ты готов пойти на сделку?

Я шумно втянул ноздрями воздух, прислушиваясь к себе. Кажется, он нащупал главную мою болевую точку.

– Да. Ради Лиски я готов на все.

Сказал – и сам понял, что это чистая правда. Наверное, именно в такие моменты – когда близким грозит реальная опасность – проявляются настоящие чувства.

– Что ж, мы и правда заболтались, – вдруг словно спохватился козлоногий, хлопнув себя по бедру. – Мне пора.

Забрав свою лампаду, он зашагал в сторону основного выхода.

– Надеюсь, еще будет повод увидеться. Следующий ход – за Эреш, а она, как обычно, постарается все испортить, р-р-р…

Последовало несколько слов на каком-то странном лающем языке. По интонации очень напоминало ругательства.

– Стойте! – окликнул его я. – Так что насчет моей дочери?

Он обернулся и заговорщически подмигнул.

– Я присмотрю за ней.

– И что взамен?

– А взамен… Жизнь за жизнь. Согласись, справедливый обмен.

Ответил я не сразу, и поймал себя на том, что сжимаю кулаки – до хруста, до впившихся в кожу ногтей. Сдается мне, сейчас надо взвешивать каждое слово.

– Что это значит? Я должен буду… забрать чью-то жизнь? Или отдать свою?

Козлоногий улыбнулся.

– Все проще, Ян. В моих интересах, чтобы ты продержался подольше. Так что договоримся так: вы теперь – как два звена одной цепи. Твоя дочь будет жива до тех пор, пока жив ты. Амен!

Он на мгновенье прикрыл глаза, поднося к лицу сжатый кулак. Разжал его, и с ладони вспорхнуло облачко багровой светящейся пыли.

– Что? Пого…

Я осекся, потому что лампада козлоногого вдруг вспыхнула слепящим светом, заставив зажмуриться и прикрыть глаза рукой.

Когда я проморгался, демон уже исчез, оставив меня в темноте.

Глава 4

Впрочем, не совсем в темноте. Зрение мое снова быстро приспособилось – перед глазами начали выстраиваться сотканные из тонких красноватых линий очертания предметов.

Слова козлоногого меня сначала успокоили, но потом заставили задуматься. А потом и затревожиться. Не может все быть так просто. Наверняка есть какой-то подвох…

Да вот же он, на поверхности! Лиска будет жива, пока жив я… А что, если со мной что-то случится?! Я теперь, выходит, не только своей жизнью рискую, но и ее. И сколько вообще продлится эта связь? Что, если это навсегда? И когда я помру от старости, то и дочь с собой в могилу утащу?

Я грохнул кулаком по смотровому столу, и металлическая столешница загремела, будто колокол.

Да чтоб меня! Не хотел же связываться!

В висках тревожно застучал пульс, перед глазами все поплыло, и я покачнулся, схватившись за край стола, чтобы не упасть.

Проваливаюсь! Только этого не хватало!

Я зажмурился и постарался успокоиться, беззвучно шепча привычную мантру.

Раз. Два. Три. Четыре.
Жили мошки на квартире…

Получилось удивительно легко – меня будто прохладная очищающая волна окатила. Раздражение, злость, страх, растерянность – все ушло за считанные секунды, разум прояснился, будто после получаса медитации. Это было так странно и непривычно, что я еще какое-то время стоял, прикрыв глаза и прислушиваясь к себе.

Действительно получилось. Будто отключил все эмоции и взглянул на себя безразличным сторонним взглядом.

Кулак, которым я долбанул по железному столу, немного побаливал. Я оглядел его и увидел, как на сбитой костяшке заблестела тонкая пленка амальгамы, залечивающая ссадину. Но даже это воспринималось, как нечто само собой разумеющееся.

Ну что ж. Успокоился? И правильно. Теперь определимся, что делать дальше. По пунктам: первое, второе, третье…

Это старая привычка, которую я вырабатывал с самого детства. Несколько минут каждый вечер на подведение итогов дня и на составление предварительного плана на завтра. Несколько минут утром на доработку плана и расстановку приоритетов. И пусть даже за окном грянул апокалипсис – привычка дает о себе знать. Когда вижу перед собой конкретные цели – все становится проще и понятнее.

Последние годы я все эти заметки заносил в органайзер на компьютере и на телефоне. Регулярно, не пропуская ни дня. Вот и сейчас этого жутко не хватало. Глупо, конечно…

Красные светящиеся полоски перед глазами вдруг сложились в ровный прямоугольник, зависший где-то вверху и справа.

Так-так-так… Снова эта штука. Амальгама.

Этот жидкий металл, похоже, действует, управляя организмом на клеточном уровне. Иначе я столь быстрый отклик объяснить не могу. И то, что теперь у меня получается еще лучше управлять эмоциями – тоже сходится. Эмоции ведь, по большей части, тоже химия. Если амальгама может управлять и выбросами гормонов и нейромедиаторов…

Уф… Это же невероятно! Практически суперспособность. Главное, научиться управлять этим.

Я привычно взглянул чуть вверх и вправо – когда работаю за компом, обычно у меня в правом верхнем углу экрана заметки с целями на день. Вот и светящийся прямоугольник высветился там же. Видимо, амальгама улавливает образы, возникающие у меня в мозгу, и начинает подстраивать визуальный интерфейс под них.

Может, и заметку удастся сделать?

1. Разобраться с управлением амальгамой.

Светящаяся надпись появилась в прямоугольнике так же быстро и естественно, как если бы я набрал ее на клавиатуре. И даже шрифт был привычный – тот, что я обычно использую в заметках. Интересный выверт…

Мысленной командой я стер надпись. Так, а вчера, кажется, мне даже показывали что-то вроде схемы всего организма, подсвечивая ранения. Этакая вкладка персонажа, как в компьютерных играх…

Получилось вызвать эту картинку снова. Сотканное из тонких красных линий объемное прозрачное изображение моего тела. Можно поворачивать по вертикальной оси. Причем тело именно мое – приглядевшись, я узнал и черты лица, и пропорции. Все прорисовано досконально.

От головы и от верхней части туловища идут линии-выноски, подписанные незнакомыми рунами. Некоторые обведены светящимися кружками, на некоторых эти круги еще не замкнуты. Вообще, похоже на какие-то шкалы, как на приборной панели автомобиля или в интерфейсе какой-нибудь игры. Но что это? Отображают какие-то показатели? Или это прогресс-бары, визуализирующие течение каких-то процессов?

Зар-раза, как же неудобно! Все равно, что пытаться разобраться в какой-нибудь программе, написанной на китайском. Эта штука влезла ко мне в мозг. Неужели не может заодно перевести интерфейс на понятный мне язык?

Я постарался сконцентрироваться на этом вопросе, и в воздухе вдруг вспыхнули еще три строчки рун – одна подлиннее, ниже – две коротких. Диалоговое окно с выбором ответа! Как в тот раз, когда амальгама предложила залечить мои раны.

Ну, допустим, соглашусь. И…

Незнакомые кракозябры в интерфейсе, к сожалению, не исчезли. Наоборот, на схеме появилась еще одна, указывающая на голову. И рядом с ней начала медленно расти светящаяся полоска.

Да, это точно прогресс-бар. Правда, заполняется очень медленно, нет смысла ждать.

Так, а если теперь вообще убрать интерфейс?

Все посторонние линии и надписи исчезли, осталась только красноватая подсветка «ночного зрения». Отлично. Работает!

Эти простейшие трюки меня еще больше успокоили и обнадежили. Наверное, потому, что я понял – хоть что-то во всем этом безумии поддается логике. У той штуки, которая в меня вселилась, есть вполне внятная система управления. Осталось только в ней разобраться.

Идем дальше.

Козлоногий – буду звать его так, раз уж он не удосужился назвать ни одного из своих имен – прав по поводу того, что лезть наружу с голыми руками глупо. Раз уж я утащил с собой эту отрубленную руку с наручем, то надо ею воспользоваться. Или хотя бы попытаться.

Я пристально уставился на свой трофей, и его контуры тут же высветились ярче. Как и вчера, я разглядел даже очертания каких-то кристаллов внутри наруча. Что это? Явно какие-то важные узлы. Что-то вроде аккумуляторных батарей? И как вообще снять эту штуку?

Эх, было бы здорово, если бы амальгама могла давать мне подсказки, как в компьютерной игре.

Вокруг наруча замелькали строчки каких-то рун, крупные символы, светящаяся сетка, похожая на соты. Я на мгновение даже правда поверил, что высветится окошко с описанием

предмета, как в какой-нибудь RPG. Но, увы, четко вырисовались только две руны, соединенные тонкими линиями с кристаллами внутри наруча. Перевода на русский не получилось. Но надо, на всякий случай, запомнить эти символы…

Я сосредоточился, представляя, что в окошке с заметками появляется вторая вкладка, и символы копируются туда.

Получилось. Отлично. Интерфейс можно будет постепенно подстраивать под себя, основываясь на привычных принципах – окна, вкладки… Так, а это что?

Амальгама подсвечивала на наруче продолговатый участок на стыке двух пластин. Я аккуратно прощупал его и активировал не то какую-то скрытую кнопку, не то сенсор. Но наруч вдруг трансформировался, раскрываясь, будто футляр.

Я аккуратно вытащил из него отрубленную руку, обтянутую рукавом из плотной черной ткани. На ощупь – будто прорезиненная. Искусно сделанная металлическая перчатка, как выяснилось, была не частью наруча. Возможно, ее тоже можно было снять, но я не стал. Мне бы она все равно не подошла, ладонь заметно меньше моей.

Внутренняя часть наруча была темной, бархатистой на ощупь и освещалась изнутри приятной голубоватой подсветкой. За прозрачной вставкой видны два кристалла неправильной формы, соединенные между собой золотой оправой. Рядом вспыхнули в воздухе уже знакомые руны.

Закатав рукав, я вложил правую руку внутрь наруча, и тот с едва слышным жужжанием схлопнулся, плотно охватывая руку от запястья до локтя. Состоял он из относительно небольших, похожих на чешуйки, частей, которые зашевелились, подгоняя размер и форму доспеха под мои параметры.

Круто! Вес почти не чувствуется, ощущения приятные. Я внимательно оглядел внешнюю сторону наруча – там, откуда должен был вылезать лазерный клинок. Сопло располагалось над запястьем, и луч должен идти вдоль линии руки. Не очень-то удобно – если кисть загнуть вверх, можно себе и пальцы обрезать. Хотя, может, от этого срабатывает какая-нибудь защита…

Вот только как эта штука включается? Никакого намека на кнопки. Скорее всего, тоже мысленное управление.

Сосредоточился, представил себе светящийся клинок, вырывающийся из наруча…

Голубая вспышка резанула по глазам, уже привыкшим к темноте. Я прищурился, но руку продолжал держать неподвижно, сжав кулак и держа предплечье параллельно полу.

Когда прошлый владелец сражался вчера с тем жутким шипастым типом, со стороны это оружие выглядело, как что-то вроде газового резака. Но вблизи было заметно, что это именно клинок. Призрачный, светящийся, с вязью каких-то символов вдоль всей длины. И, если повернешь его ребром – превращающийся в тончайшую светящуюся полоску. Длина и форма… Да, варьируется, подчиняясь мысленным командам.

Я попробовал рубануть им по углу смотрового стола. Срезанный, будто лазером, кусок металлической столешницы, отвалившись, оглушительно загремел по плитке. Я невольно отпрянул назад, и клинок погас, втягиваясь в наруч.

Работает! Но опасная штука, конечно. У меня был кое-какой опыт обращения с холодным оружием в рамках занятий восточными единоборствами. Мечи, саи, бо, немного умел махать нунчаками. Но с подобным клинком нужно быть втройне осторожным. Неудачно махнешь – и скорее себе что-нибудь отрубишь, чем противнику. Но зато, правда, и острота просто убийственная. Даже странно, как он вчера того черного на салат не нашинковал. Видимо, доспехи у того все-таки тоже соответствующие.

Не удержался – провел кончиками пальцев по срезу на столе. Идеально ровный, будто даже отполированный. Но в начале реза – там, где клинок только соприкоснулся со столеш-

ницей – металл раскален докрасна и немного оплавлен. А металл-то толстый – миллиметров пять…

Ладно, пока хватит экспериментов. Пора уже выбираться наружу.

Я решил воспользоваться той же дверью, через которую попал сюда. Вторая, судя по всему, вела сразу на улицу, но соваться туда пока не хотелось.

На лестнице было тихо, но прежде чем покинуть свое убежище, я постоял с полминуты, прислушиваясь. Вроде ничего подозрительного. Стараясь ступать бесшумно, поднялся на первый этаж. За окнами уже было светло, так что после абсолютной темноты, царящей в морге, все вокруг казалось непривычно ярким, четким, цветным. Дополнительные визуальные эффекты от амальгамы почти исчезли, напоминая о себе только изредка появляющимися светящимися рамками вокруг некоторых предметов.

Держась вдоль стенки, я прошел по коридору, заглядывая в помещения с приоткрытыми дверями.

Всюду разруха. Вещи брошены, явно в спешке. Кое-где видны следы борьбы. В одной палате все стены так щедро забрызганы кровью, будто ее расплескивали из ведра. Большинство окон разбиты – в стеклопакетах либо трещины, либо целые дыры. На улице светло и тихо. И вроде бы не холодно. Обычный летний день, даже вон птаха какая-то чирикает.

Итак, оперблок где-то на третьем или четвертом этаже. Но палата моя – в соседнем крыле, во втором хирургическом отделении. Второй этаж. Где тут переход-то…

На глаза очень кстати попался план эвакуации, вывешенный рядом с выходом на лестницу. Сориентировавшись по нему, я выбрался в соседнее крыло. А вот дальше возникли проблемы.

Эта часть здания была сильно повреждена – здесь недавно бушевал пожар, а часть потолочных перекрытий обвалилась не то от взрыва, не то от какого-то удара. Выход на ближайшую лестницу оказался заблокирован, так что пришлось искать другую. В итоге я вылез через окно на улицу и пошел вдоль стены здания, прикидывая, где можно влезть в него снова.

На улице было тепло и тихо. Небольшой сквер, разбитый с этой стороны здания, шелестел листвой. Картину портили поломанные ветви деревьев, валяющиеся всюду осколки стекла из выбитых окон и стойкий запах гари и дыма. Похоже, выгорела довольно значительная часть здания, а кое-где и до сих пор тлело – из окон второго этажа были видны струйки дыма. Но палата моя, насколько я помню, находилась в дальнем конце отделения. Будем надеяться, что та часть здания пострадала меньше.

Буря давно утихла, но небо было какого-то странного красноватого оттенка, будто на закате, и сплошь затянуто перьевыми тучами, закручивающимися над головой, будто в огромном водовороте. Никогда такого не видел. Хотя, я за последние часы столько насмотрелся, что какие-то там облака уже не особо впечатляли.

Подходящее окно обнаружилось метров через двадцать – створка его была открыта настежь и хлопала на ветру, жалобно дребезжа остатками стекла. Я аккуратно, чтобы не порезаться, взобрался на жестяной подоконник и, оглядевшись, шагнул внутрь комнаты.

Палата. Причем забаррикадирована изнутри. Одна из коек придвинута к дверям, сверху положены две тумбочки – видно, для веса.

Спрыгнув на пол, я замер, прислушиваясь.

Шорох под одной из кроватей, и почти сразу же мое улучшенное зрение высветило сквозь нее красноватый силуэт – примерно как на тепловизоре.

Я вскинул было руку, готовясь активировать клинок, но передумал. Не похоже было, чтобы это кто-то опасный. Судя по прерывистому дыханию и всхлипываниям, просто кто-то из пациентов забился со страху под кровать.

– Эй! – шепотом позвал я. – Вылезай!

Всхлипывания переросли уже в настоящий плач и жалобное подвывание.

Я наклонился, заглядывая под кровать.

Пацан. Лет, наверное, десяти-двенадцати. Весь почему-то перепачканный в чем-то черном, лицо чумазое, как у трубочиста.

– Вылезай, все хорошо.

Он мелко затряс головой.

– Они придут! Они всех забрали!

– Кто они?

– Страшное черное чудище! С рогами.

– Ушли они. Пока тихо. Но надо выбираться отсюда.

Мальчишка снова затряс головой. Когда я потянулся к нему, он и вовсе вскрикнул в голос.

– Да тише ты! – зашипел я на него. – Слушай, парень, а ну-ка, подбери сопли! Я с тобой нянчиться не собираюсь, у меня дел и так по горло. Вылезай, говорю!

– Не-е-е-т!

Я зло сплюнул.

– Ну и сиди тут. А я ухожу.

Стараясь поменьше шуметь, я отодвинул от дверей кровать. Пацан вылез все-таки из своего убежища и зашептал, вытаращив глаза:

– Дяденька, не надо! Там монстр! Мы с Витькой специально закрылись.

– И где этот Витька твой?

– Он в окно вылез. За помощью.

– Давно?

– Не знаю. Может, час…

Я вздохнул и приоткрыл дверь в коридор. Выглянул.

То же, что и везде. Сплошной погром, какие-то свисающие с потолка провода, покореженная обрешетка. Но тихо. Направо – длинный коридор с дверями по обе стороны, небольшая рекреация с сестринским постом, дальше – сплошной завал. Обрушилась часть перекрытий. Мне – налево, там выход из отделения и лестничная клетка. Вроде чисто, только на стене вдалеке – какая-то странная черная масса. Тоже что-то обгоревшее?

– Да нет там никого.

– Не ходите туда, пожалуйста!

– Давай так – я сейчас там все проверю и вернусь за тобой…

– Вас там сожрут… – прошептал мальчишка, и губы его снова задрожали. В широко распахнутых глазах плескался неподдельный, животный ужас.

Я подошел к нему и молча обнял за плечи. Он уткнулся лицом мне в толстовку и заплакал уже навзрыд – будто плотина прорвалась. Икая и шумно вдыхая воздух, пытался еще и что-то рассказывать.

– Они… они… тетю Лену!.. медсестру… и всех ребят из третьей палаты… Столько крови было! Целая лужа натекла…

– Тсс! Ну, тихо, тихо… Успокойся, – я прижал его к себе, погладил по растрепанным волосам. – Сейчас нам надо собраться и уходить отсюда. В палате телефон у кого-нибудь был? Мне позвонить надо.

– Н-не работают же… телефоны, – размазывая слезы по щекам, замотал головой пацан. – Мы пробовали.

Зар-раза!

– Покажешь?

Мальчишка отлип от меня и зашарил в кармане. Вытащил простенький смартфон с потрескавшимся экраном, в чехле, сплошь обклеенном стикерами с героями комиксов.

Работает. Двадцать процентов заряда. Но крестик на значке сети. Связи нет вообще. Но как так? Неужели буря все вышки в округе из строя вывела?

– Надо попробовать на крышу залезть. Может, там сигнал поймаем. Но сначала мне нужно до своей палаты добраться, вещи забрать.

– Я туда не пойду! – в ужасе вскрикнул пацан – так громко, что я едва не дернулся, чтобы зажать ему рот.

Он отбежал в угол палаты, прячась за спинку кровати. Да что ж такое-то!

Ладно. Пусть немного успокоится. Учитывая, что здесь вчера творилось ночью, и любой взрослый на его месте в штаны бы наложил.

– Сиди тихо! Я скоро вернусь.

Я выглянул за дверь и, напоследок еще раз оглянувшись на мальчишку, приложил палец к губам.

В коридоре странно пахло. К отчетливому запаху гари, который, похоже, пропитал уже все здание, примешивалось что-то горьковато-сырое. Будто болотная тина или торф. Или сырое мясо. Уф, надеюсь, амальгама не начнет усиливать мои обонятельные рецепторы. Это не те запахи, которые хотелось бы чувствовать во всех оттенках.

Я зашагал вдоль стены, держа правую руку чуть наотлет, чтобы в случае чего активировать клинок. Разглядел, наконец, черную массу, опутывающую стену, пол и большую часть дверного проема, ведущего к лестнице.

Нет, это не следы пожара. Какой-то странный нарост, похожий на мох или плесень, только увеличенные во много раз. Лежит толстым слоем, сантиметров пятнадцать минимум. И этот странный запах… Да, точно, от этой штуки.

Амальгама снова дала о себе знать – перед глазами заплясали красноватые штрихи, пятна. Часть из них обрисовывали контуры нароста, но нечетко – будто срывались. Однако меня явно предупреждали об опасности – вскоре вся область коридора, пораженная грибком, подсвечивалась красным.

Да я и сам вижу, что дело неладное. Явно тоже какая-то чужеродная хрень. Подойдя поближе, я разлядел, что нарост был влажным, слегка пульсирующим и медленно, но непрерывно шевелился, постепенно вытягиваясь, расползаясь новыми побегами. Некоторые участки били заметно толще остальных, и они складывались в нечто вроде рисунка вен или корневой системы.

Центр всей этой штуки, похоже, был где-то в углу под потолком. Там что-то странно вибрировало, и эту область амальгами подсвечивала особенно ярко – тревожно-алым контуром.

Еще одно значительное утолщение обнаружилось в дверном проеме одной из палат. Там лоза обвила косяки сплошной рамкой, в центре которой взбух здоровенный полупрозрачный кокон, заполненный желто-зеленой жижей.

Да что же здесь творится-то? Не то зомби, не то одержимые, явно до этого бывшие обычными людьми. Странные чужаки в техногенных доспехах. Козлоногий демон, несущий какую-то загадочную ахинею. Теперь еще и эта хрень, больше напоминающая фильмы про Чужих. Это и по отдельности-то пугает, а уж все вместе – какое-то совсем уж адское комбо.

Но выход-то в той стороне, так что придется проходить мимо этих наростов. Благо, они еще не все опутали, остался узкий участок чистого пола. Вроде можно проскочить…

Я сделал еще пару шагов, и кокон, будто почуяв мое приближение, вдруг громко булькнул, дернувшись. Я невольно отпрыгнул подальше, и вовремя – весь этот влажный бурдюк вдруг с мерзким звуком лопнул, расплескивая жижу на пару метров вокруг. Из него вывалилось сразу два уродливых краснокожих карлика с тощими когтистыми лапами и безглазыми черепами, вытянутыми в стороны, будто у рыбы-молота. Росту в каждом было чуть больше метра, но это больше из-за того, что двигались они, сильно сгорбившись, почти на четверень-

ках. Сквозь кожу на их горбатых спинах отчетливо проступали хребты и красные светящиеся разводы, похожие на рисунок вен. Хотя, возможно, это амальгама так мне подсвечивала.

Едва успев появиться на свет, оба заверещали, как резанные, распахивая неестественно огромные пасти, усеянные рядами неровных, больше похожих на осколки черного стекла, зубов. И еще для новорожденных эти ребята оказались очень уж ретивыми. Тут же бросились в мою сторону, скребя когтями на ногах по напольной плитке и оскальзываясь на жиже, вытекшей из кокона.

Адреналин хлынул в кровь, будто из прорвавшейся плотины – я, кажется, даже почувствовал удар по ушам, будто при погружении в воду. Меня не назовешь трусом, да и драться мне доводилось частенько. Но в основном в формате спаррингов или соревнований. А когда на тебя набрасывается подобное страшилище – ощущения совсем другие. Я даже поначалу забыл про световой клинок – встретил карлика ударом ноги в грудь.

Тварь оказалась на удивление тяжелой – я ожидал, что от такого удара она отлетит на пару метров назад. Но ощущения были такие, будто попытался отпихнуть ногой каменную статую.

Я отпрыгнул назад и в сторону, уходя от размашистого удара лапой. Когти с хрустом пробороздили крашеную стену, легко сдирая штукатурку. Силищи у безглазых монстров тоже было не занимать. Да и карликами они уже не казались – разбухали и распрямлялись на глазах, конечности с мерзким влажным хрустом вытягивались… Это пока мне было даже на руку, потому что двигались они из-за этого дергано, немного заторможено, и мне удавалось уворачиваться от их атак.

Чудовища вызывали неподдельный, животный ужас – где-то на уровне инстинктов. Думаю, если бы вместо них были какие-нибудь опасные, но более-менее привычные хищники типа тигров или медведей – я бы так не испугался. Но эти твари выглядели так чуждо и противоестественно, что к горлу подкатывал ком тошноты.

Воздух вокруг вздулся пузырем, искажая очертания стен, уши заложило так, будто я нырнул на глубину.

Проваливаюсь!

Эмоции захлестнули меня, и я заорал в голос. Но вслед за этим неожиданно пришло облегчение. Снова амальгама. Сознание почти мгновенно прояснилось, приступ прошел, едва начавшись, и следующую атаку монстра я встретил с холодным, ясным рассудком.

Светящийся клинок вспыхнул, вырываясь из золотого наруча. Отпрянув назад и разворачиваясь боком к противнику, рубанул его сбоку – будто хуком в челюсть. Клинок глубоко рассек плоть, взметнув веер темных брызг. Запахло паленым мясом.

Второй уродец прыгнул на меня, отталкивая собрата, и я встретил его обратным ударом – наотмашь, от локтя. Кажется, клинок ненадолго вытянулся в длину чуть ли не вдвое, так что рубанул, как саблей. Противник пытался прикрыться от удара лапой, и отрубленная кисть полетела, кувыркаясь в сторону.

Верещали монстры яростно, чуть ли не захлебываясь от злобы, но на раны, кажется, вообще не обращали внимания – перли напролом, тесня меня все дальше. К счастью, окружить меня им не удавалось – коридор был слишком узким. Но еще немного – и я упрусь в завал. Я это понимал четко – страх ушел, уступив место холодному расчету. Я выверял каждый шаг, каждый удар, заодно привыкая к незнакомому оружию.

Удар – уворот – отталкиваюсь от стены – снова бью клинком, целясь в морду. Светящееся лезвие легко рассекает плоть, оставляя чудовищные дымящиеся раны. Но твари неестественно живучи – один из них вовсю прыгает даже с наполовину разваленным черепом. Впрочем, слово «естественный» тут вообще не подходит.

Я немного сменил тактику и начал бить по конечностям. Несколько удачных ударов – и оба страшилища, обездвиженные, валялись на полу, яростно болтая культями. Я, еще более взвешенно, стараясь поменьше запачкаться, рубанул еще пару раз – уже наверняка.

Отрубленные уродливые бошки покатились по полу, продолжая клацать челюстями. Тела же еще долго, с минуту, продолжали трепыхаться. Амальгама подсвечивала внутри них сгустки чего-то красного, но я так и не понял, зачем. Возможно, показывала уязвимые точки? Не похоже, потому что подсказки не исчезли, даже когда монстры окончательно затихли.

Стараясь не запачкать обувь в крови и потрохах, я прокрался вдоль стены и вернулся в палату за пацаном. Но того уже и след простыл. Я заглянул под кровать, выглянул в открытое окно. Похоже, малец дал деру, когда услышал жуткие крики из коридора. Подумал, что меня и правда сожрали.

Ладно. Может, это и к лучшему. Только мешался бы под ногами.

Подумал так – и сам удивился своему хладнокровию. Или это снова из-за подавления эмоций?

Я вернулся в коридор и на этот раз уже без особых приключений преодолел заросший чужеродной грибницей участок и вышел на лестницу. Поднялся на второй этаж.

Вот оно, мое отделение. К счастью, тоже тихое – пожар и буря, похоже, вообще выгнали из здания все живое. Ну, кроме всякой нечисти.

Добрался до своей палаты и с облегчением обнаружил, что вещи мои не тронуты. Одежда стопкой сложена в прикроватную тумбочку, рюкзак – под кроватью, в изголовье, там же, где я его и оставлял. Оба мои соседа исчезли, но судя по тому, что следов крови или вообще борьбы заметно не было – возможно, легко отделались.

Телефон был заряжен почти полностью, в рюкзаке, как всегда, валялся еще и пауэрбанк. Но толку от этого было мало. Сотовая связь не работает, ни одной активной сети Wi-Fi тоже не обнаружено, GPS тоже не ловит. Осталась слабая надежда поймать сигнал, если выбраться на крышу. Но я в это уже и сам не верил. Возможно, если найти здание повыше…

Пока переодевался и забирал свои вещи, обнаружил в тумбочке початую «полторашку» минералки. Всосал ее чуть ли не одним махом. Вовремя спохватился – на подоконнике обнаружил оставленное кем-то из бывших соседей печенье. Оставил немного воды, чтобы было, чем запивать.

Торопливо пережевывая сухие, как куски картона, пластинки, я оглядывал через окно опустевший двор больницы и думал, что делать дальше. Мысли тикали монотонно, будто в часовом механизме.

Пытаться понять, что происходит – бесполезно. Слишком мало информации, нужно разведывать дальше. Но куда податься? Первым делом – поднимусь на крышу, осмотрю окрестности. Потом – домой, естественно. Тут относительно недалеко, пешком можно дойти за час с небольшим. Дома – поесть, наконец, по-человечески, собраться и двинуть на левый берег, к Ольге с Алисой. Лучше не пешком, конечно – это на другом конце города, километров десять, наверное, по прямой…

Некстати вспомнились уродливые безглазые монстры с первого этажа. Я невольно поморщился и передернул плечами. Да уж… А если бы у меня не было клинка? Голыми руками от таких не отобьешься. Да даже и огнестрел слабо поможет. Смотря какой, конечно…

А вот ночью мне помогло выжить другое. Я вовремя провалился, и серый мир превратился из ловушки в убежище. Если бы научиться нырять в него осознанно – это очень бы пригодилось. Особенно если получится так же осознанно выходить из этого состояния.

Я даже попробовал сформулировать соответствующую мысленную команду, но она была слишком сложной, чтобы амальгама сходу уловила ее. А для экспериментов сейчас пока не время, да и не место.

Забрав свои вещи, я все-таки поднялся на четвертый этаж и отыскал выход на крышу.

Связь, конечно же, не ловилась даже здесь. Обзор был тоже не ахти. Слева, за дорогой – парк, справа – гаражи, дальше немного частного сектора, постепенно уступающего место многоэтажкам. Но даже то, что я сумел разглядеть, меня не обрадовало.

Со всех сторон, докуда хватало глаз, поднимались в небо столбы дыма от пожаров. А откуда-то издалека доносился монотонный заунывный звук сирены.

Интерлюдия. Регина

– Скорее! Сюда! Несите ровнее!

Топот множества ног по каменным плитам. Взволнованное дыхание помощников целителя, тащащих носилки. Ровный гул радиумных светильников. Шепотки и возгласы случайных свидетелей. Каждый звук в гулких коридорах зиккурата расслаивается причудливым эхом, множится, возвращается в искаженном виде, смешиваясь со стуком крови в висках. Сквозь плотно сомкнутые веки мелькают мутные пятна света. Но открывать глаза не хочется.

Регина уже давно очнулась. Предательская слабость, настигнувшая ее на посадочной площадке и заставившая рухнуть без чувств, быстро прошла. Она даже чувствовала, как ее кладут на носилки и тащат куда-то вглубь зиккурата, на нижние этажи.

Целители ей не требовались. Она потеряла много крови, однако амальгама делала свое дело. Быстро запечатала, обеззаразила и обезболила чудовищную рану на культе правой руки, подстегнула работу кроветворных органов, запустила восстановительные процессы. Если понадобится, уже через пару часов она сможет ходить, а дня через два-три и вовсе будет чувствовать себя вполне здоровой. На то, чтобы отрастить новую руку, конечно, понадобится куда больше времени.

Впрочем, все это сейчас уже не имеет значения. Жатва в самом разгаре, и промедление даже в пару дней – фатально.

– Переложите ее сюда… Аккуратнее!

Целитель – высокий худощавый мужчина в цветах Дома Ортосов – указал на гладко ограненный каменный блок в центре комнаты, накрытый плотной белой тканью. Помощники, действуя быстро и слаженно, перенесли закованную в золотые латы девушку на постамент. И только после этого она открыла глаза.

Эта зала, как и остальные помещения древнего зиккурата, была холодной и пустой. Ни единого предмета мебели, никаких украшений – лишь голые стены из серого ноздреватого камня, афтарда. Это один из немногих материалов, устойчивых к игнису. Все остальное в такой близости от Пасти очень быстро приходит в негодность.

– Как самочувствие? – встрепенулся целитель и, отогнав ассистентов, подошел вплотную. Его тонкие холодные пальцы бесцеремонно коснулись ее лба, потом лица, оттягивая нижние веки. Регина с трудом удержалась от того, чтобы не сомкнуть забрало шлема.

– Я в порядке, – как можно тверже произнесла она.

– Вам лучше все же снять доспехи и позволить мне осмотреть вас…

– Я сказала – я в порядке! – повторила она, зло сверкнув глазами. – Во мне пятнадцать кластеров амальгамы. Или вы умеете что-то, чего не может она?

– Прошу прощения, мона, я лишь делаю свою работу, – целитель, виновато кланяясь, сделал несколько шагов назад. – Судя по обмороку, раны ваши очень серьезны…

– Пошел вон, – устало отмахнулась девушка, глядя в потолок. – Все вон!

Повторять ей не пришлось – вскоре комната опустела. Регина лежала, не шевелясь, запрокинув лицо кверху и закусив губу. Слезы горячими щекочущими струйками стекали к вискам. Больно не было – амальгама снизила болевые ощущения до минимума. Однако ее терзала иная боль – та, что стократ сильнее любой телесной.

Она проиграла! Подвела свой Дом. И самое страшное – потеряла Свет Зари. Отец никогда не простит…

Расслышав шаги из коридора, она раздраженно обернулась в сторону выхода.

– Я ведь сказала – прочь!

– Регина…

На пороге растерянно замерла Элейна – как всегда, немного нескладная, выглядящая намного моложе своих лет. Еще и в нетипичной для нее дорожной одежде – высоких сапогах, плотных лосинах и куртке с кожаными накладками на локтях и коленях. Волосы, как обычно, собраны на затылке в какой-то невнятный пучок. В этом сестры очень схожи – никакого пиетета к прическам. Но Регина остригает волосы коротко или убирает в хвост для того, чтобы не мешались на тренировках или в бою. А Элейна – чтобы не падали на лоб при чтении.

В детстве они были так похожи, что их часто путали даже няньки. Но с возрастом проявляется все больше различий – в характере, в привычках, в движениях, а со временем и во внешности. Сейчас уже даже не верится, что двадцать восемь лет назад Серебряная Купель одарила Данакта Ортоса близнецами.

Элейна бросилась к сестре, едва не споткнувшись на стыке между напольными плитами…

– Аранос-Хранитель, да ты вся в крови! И… о, нет, твоя рука!

В широко распахнутых бирюзовых глазах плескался неподдельный ужас.

«Бедная моя книжная девочка, – горько усмехнулась Регина. – Зачем ты вообще приехала к Багровой пасти? Тебя ведь предупреждали, что такие места лучше изучать по картинкам в фолиантах».

– Это не моя кровь, – превозмогая слабость, воительница села, спустив ноги с каменного блока. – Ну, по большей части. Я убила гракха. И… еще пару тварей.

Элейна ахнула, и на этот раз испуг ее был смешан с восторгом.

– Сама?! Но ведь… все еще только началось. Я читала, что схватки между жнецами проходят обычно на второй или третий день, когда уже накоплено достаточно трофеев, и…

– Мы схлестнулись случайно, – перебила ее Регина, потому что знала – если сестру не остановить, та увлечется и начнет пересказывать то, что знает, цитируя научные труды чуть ли не целыми абзацами. – Один на один.

– Кто это был?

Мужской голос прозвучал так неожиданно, что обе девушки вздрогнули и обернулись к темному дверному проходу в дальнем конце зала.

Сверкнув отполированным до зеркального блеска нагрудником, на свет вышел мужчина огромного роста, кажущийся еще выше из-за нависающего над головой гербового украшения, закрепленного на спине доспеха. Раскинувший крылья золотой двуглавый орел, символ дома Ортосов, раскрывал клювы в беззвучном крике, а его глаза, выполненные из крупных рубинов, кажется, готовы были прожечь Регину гневным взором. Это странно, но фамильный герб всегда производил на нее именно такое впечатление. Не воодушевлял, не вызывал чувство гордости, а именно пугал.

– Отец… – сорвалось с губ Регины. Опомнившись, она вскочила со своего неудобного сиденья и припала на колено в воинском поклоне.

Элейна тоже поклонилась, но по-женски – сложив ладони на животе и опустив взор себе под ноги.

– Поднимись, – приказал архонт.

Лицо его – темное, угловатое, будто высеченное из камня – оставалось бесстрастным. Это суровое выражение, казалось, на годы застыло на нем, превращая его самого в живой символ Великого Дома Ортос – наряду с орлом на гербе, Серебряной купелью или белыми шпилями Альтасара. Тем более что правил он уже более сотни лет. Живыми на этом лице выглядели только глаза – ярко-бирюзовые, такие же, как у дочерей.

– Расскажи, как все было.

Регина поднялась и, несмотря на накатывающую слабость, постаралась выпрямиться, как подобает воину, подающему рапорт командиру.

– Высадка прошла успешно. Меня выбросило недалеко от пилона, и я решила сразу же взять под контроль ближайшую территорию. Проводила разведку.

– Как там? – перебила ее Элейна, утирая слезы, и глаза ее вспыхнули знакомым азартом. – На что похож этот мир?

Спохватившись, она испуганно оглянулась на отца и опустила голову. Тот даже не удостоил ее замечанием – лишь резким осуждающим взглядом.

– Там… необычно, – все же ответила Регина. – Думаю, нам повезло, и Жатва будет богатой. В Пасть попал большой город. Сотни тысяч жителей, довольно развитые технологии…

– Ближе к делу, – прервал ее архонт.

– Я столкнулась со жнецом Дома Гракх. Вступила в бой. Была… тяжело ранена, – она невольно бросила взгляд на культю правой руки, по краю которой до сих пор блестела плотная пленка амальгамы. – Но мне удалось убить его. Однако…

Следующая часть далась ей с огромным трудом – она говорила медленно, тщательно подбирая слова. И не только потому, что тяжело было признавать собственное поражение. Она и сама до конца не понимала, что произошло, и пыталась восстановить это в памяти.

– Там был еще кто-то… Из местных. От болевого шока и кровопотери я ненадолго потеряла сознание. Когда пришла в себя, увидела… его. Он забрал мою отсеченную руку. Вместе с оружием.

– Свет зари? – ахнула Элейна.

Древние артефакты, подобные этому – это настоящие реликвии, передаваемые из поколения в поколение. Современные арраны уже давно не умеют создавать ничего подобного.

– Гелот утащил твое оружие? – холодно уточнил Данакт. – Почему ты не выследила его сразу?

– Я… была слишком слаба. К тому же, это не простой гелот. Он, кажется, забрал и амальгаму с тела поверженного гракха.

– Старшая кровь? – задумчиво прошептала Элейна.

– Маловероятно, – поморщился архонт. – Да, у гелотов в некоторых мирах встречаются следы генов Изначальных. Но в таких малых долях, что этого недостаточно, чтобы активировать амальгаму. Может, там был другой жнец?

– Если бы это был другой гракх – я была бы уже мертва. Если ортос – то почему он не помог мне? Я попробовала поискать следы убежавшего гелота, но мне помешал взрыв и пожар в здании. Спасая свою жизнь, я решила активировать пилон и вернуться. Понимаю, что это очень расточительно с моей стороны, и…

– Не говори глупостей! Ты поступила правильно. Это я ошибся.

– Отец, прошу… – Регина снова упала на колено – больше для того, чтобы спрятать нахлынувшие слезы.

Она с самого начала боялась подобного исхода разговора. И теперь вся сжалась в ожидании следующих слов отца. Которые прозвучали, как приговор.

– Я ошибся, позволив тебе отправиться в Пасть. Ты не готова. Да и я не готов рисковать тобой.

– Это нелепая случайность, отец! Я все делала правильно, и я победила! Если бы я забрала амальгаму у гракха – я бы восстановилась быстрее, и даже смогла бы вернуться в бой. Если бы не этот проклятый гелот… Откуда он только взялся!

– Успокойся. Я постараюсь связаться с Дангилаем. Он выследит вора и вернет Свет Зари. Тебе же лучше вернуться в Альтасар.

– Отец, но я хотела бы остаться! Понимаю, что в самой Жатве я уже не успею поучаствовать. Но и после нее будет много работы…

– Об этом не может быть и речи. Слишком опасно. Я уже жалею, что и Элейну притащил сюда…

Тут обе сестры взмолились хором, но архонт был непоколебим. Он поднял ладонь, пресекая дальнейшие разговоры.

– Решено! Сейчас я, конечно, не буду ослаблять позиции, выделяя вам бойцов для конвоя. Но когда Жатва завершится, вы при первой же возможности отправитесь обратно в Альтасар. А сейчас – возвращайтесь в свои покои. Танак, Алимах!

Из темноты дверного проема, будто призраки, вынырнули два зилота-телохранителя в одинаковых доспехах, похожих на панцири жуков. В их сопровождении сестры отправились по темным коридорам зиккурата в ту часть, что отведена была под временный лагерь Ортосов.

По пути Элейна пыталась поддерживать сестру под локоть, но та каждый раз отмахивалась, показывая, что ей не нужна помощь. Хотя идти было тяжело – голова кружилась, колени то и дело предательски подгибались. Но больше всего терзали раны душевные.

Она так мечтала об этом дне. Готовилась к нему больше десяти лет – с тех самых пор, как на одной из Жатв погиб Ескандир. Любимец Данакта, главный наследник Великого Дома Ортос. Бесстрашный и умелый воин, настоящее воплощение мощи Альтасара. Таким его видели со стороны. Но Регина и Элейна запомнили его как улыбчивого, заботливого, вечно подшучивающего над ними старшего брата. Он был их верным другом, их защитой и опорой во всем. Их героем.

Когда в тот страшный день его истерзанное тело принесли в верхние залы Альтасара, они с сестрой, пожалуй, впервые осознали, что такое смерть и что такое ненависть. Целители трудились полдня, чтобы просто освободить Ескандира из покореженных и расколотых доспехов, вмятых глубоко в плоть. Брату не повезло – во время Жатвы ему пришлось схлестнуться с чудовищем, именем которого пугают детей по всему Аксису.

Гарримар Гракх.

Один из самых страшных жнецов Дома Гракхов, более известный под различными прозвищами. Ортосы зовут его Людоедом, Кровавым, Безумцем, а то и Пьющим кровь. Поговаривают, что даже сами гракхи за глаза кличут его не иначе как Зверем. Регина никогда не видела его вживую, но судя по изображениям и описаниям, в нем и правда мало что осталось от аррана. Гарримар – воплощение ереси Гракхов, не заботящихся о сохранении Изначальной крови. Настоящие дикари, позорящие память древних.

Регина поклялась отомстить. Занять место Ескандира в рядах жнецов Дома Ортос и когда-нибудь…

Она зло стиснула зубы, зажмурившись от очередной вспышки досады и отчания.

– Больно? – встревоженно спросила сестра.

– Нет. Не физически.

– Самое главное, что ты осталась жива, – убежденно произнесла Элейна. – Нужно залечить раны, а потом… Я уверена, тебе удастся уговорить отца снова позволить тебе сражаться. Не сейчас, так через несколько лет, в следующей Жатве.

– Конечно же, я не отступлюсь, сестренка, – пожалуй, впервые за все это время вымученно улыбнулась Регина. – Поверь, это еще не конец.

Глава 5

Странные ощущения. Я шел по знакомому с детства городу, но при этом было стойкое ощущение, что все как-то не так, и от этого не покидало чувство тревоги.

Было необычно тихо. Время – уже около десяти утра, но ни привычных потоков машин на улицах, ни прохожих на тротуарах. Поначалу вообще показалось, что город полностью вымер. Как назло, по пути и места-то были не очень обжитые – я пересек парк, потом прошел пару кварталов малоэтажной застройки. Первых людей увидел, только когда завернул на одну из больших улиц.

Первое, что бросилось в глаза – это выгоревший остов автобуса, перегородивший наискосок две дорожные полосы. Чуть дальше, на перекрестке, громоздилась целая гора из столкнувшихся машин. Одна даже вылетела на тротуар, пробив ограждение.

Трое парней, вооруженных монтировками, занимались тем, что потрошили брошенные машины – торопливо вскрывали багажники, выбивали боковые стекла, проверяя салоны. Добычу складывали в рюкзаки и объемистые клеенчатые сумки. Визги сработавших автосигнализаций сливались с тревожными отзвуками далекой сирены. Сирена не пожарная, и не скорой помощи, а та, что включается для оповещения о чрезвычайной ситуации – протяжная, вибрирующая. Я подобную слышал всего пару раз в жизни – во время наводнения лет десять назад, и совсем уж в детстве, даже не помню, по какому случаю. Звуки эти здорово действовали на нервы, подогревая и без того не проходящую тревогу.

Троица автомобильных грабителей, завидев меня, настороженно остановились, начали переговариваться между собой. Я свернул под арку ближайшего дома. Вступать в какие-то непонятные терки сейчас было совершенно ни к чему. Да и дворами можно здорово срезать путь. Но про себя отметил: мародерство среди бела дня? Похоже, ситуация совсем хреновая. Где полиция, где МЧС?

Одно обнадеживало – насколько я успел разглядеть, выглядели все трое вполне обычно. Как и тот пацан, с которым я столкнулся в больнице. Значит, не все люди превратились в обезумевших монстров, которых я видел ночью.

Квартал был еще советской застройки – панельные девятиэтажки по периметру, во дворе – детские площадки, небольшой скверик из старых корявых кленов, куча клумб с цветами, на свободных местах – припаркованные автомобили. И ни одной живой души. Все, похоже, по домам прячутся. Последствия бури здесь, кстати, тоже заметны. Поваленных деревьев, как возле больницы, не видно, но побитых окон много.

Я одернул рукав джинсовки, пряча золотой наруч – он то и дело предательски блестел на солнце – и торопливым шагом припустил по дорожке между клумбами, к арке в дальнем конце двора.

Из головы никак не выходили те трое, что занимались грабежом машин. Надо же, как ребята быстро сориентировались-то! Неразбериха только началась – а они уже тут как тут, под шумок набивают карманы. Никогда не был любителем фильмов и книг про постапокалипсис, и в том числе из-за того, что в них показываются темные стороны человеческой натуры. Часто люди оказываются куда страшнее и опаснее для себе подобных, чем любые монстры.

Может, так и есть. Но не хотелось бы проверять это на практике.

Я проходил мимо детской площадки с песочницей, когда темная, стелющаяся над самой землей тень выпрыгнула сбоку, откуда-то из кустов. Я даже успел среагировать, но, увы, двигалась она слишком быстро.

Собака! Здоровенный ротвейлер, черный с коричневым, с какими-то странными наростами вдоль спины. С глухим рычанием вцепился мне в ногу, прокусив икру до самой кости. Я взревел от боли, и с ужасом заметил еще одного, несущегося с другой стороны.

Голубой светящийся клинок вспыхнул в воздухе, прожигая рукав, и я, не особо целясь, рубанул по вцепившейся в меня твари и тут же развернулся в сторону второй. Жуткая псина с разбегу сиганула на меня. Прыжок был неестественно мощный – тяжелой тушей ротвейлера будто выстрелили из катапульты. Я успел разглядеть раскрывшуюся в полете пасть с длиннющими клыками, кажется, способными разом отхватить мне полголовы.

Уклониться, отпрыгнуть с повисшей на ноге второй псиной было нереально, так что я ударил клинком прямо навстречу. Тварь ударилась в меня, сбила с ног, одновременно щедро заливая чем-то горячим и липким.

Клинок исчез, прячась обратно в наруч. Сам я, рыча от боли и ярости не хуже зверя, пытался спихнуть с себя бьющуюся в агонии тушу, воняющую кровью и паленой шерстью. Удар получился удачным – световой клинок наискосок прошел через морду пса, разрубая голову и верхнюю часть туловища. Второй тоже уже еле дергался – я его разрубил почти надвое. Вот только хватку тот почти не ослаблял – клыки, будто зубцы капкана, намертво впились в мою лодыжку, так что в глазах темнело от боли.

К счастью, боль довольно быстро ушла – среагировала амальгама. Но от этого было не сильно легче. Было страшно из-за раны – кажется, псина разворотила мне всю ногу. Еще чуть-чуть – и просто выдрала бы здоровенный кусок голени. Но самое главное – сейчас, валяясь на земле, придавленный двумя полудохлыми монстрами, я был очень уязвим.

Мелькнула мысль позвать на помощь, но я ее отмел. Как бы мои крики, наоборот, не привлекли еще кого похуже.

Спихнул, наконец, тело пса в сторону. Уф, полцентнера весит точно, если не больше! Сел, вцепился в морду второму, пытаясь раздвинуть челюсти. Было жутко неудобно – пальцы скользили на крови, резались об острые зубы. Больше всего я боялся, что челюсти собаки так и заклинит в сомкнутом положении. Но, к счастью, понемногу удалось разжать их и, наконец, высвободить ногу.

Перед глазами то и дело мелькали светящиеся силуэты, какие-то надписи. Я закатал штанину и сосредоточился на ране. Амальгама тут же подсветила эту область тревожной красной рамкой, но и без того было понятно, что дело дрянь. Нога выглядела отвратно – вся в крови, на икре темнеют четкие следы от укуса, особенно там, где в плоть вонзались клыки.

Перед глазами настойчиво замигал очередной вопрос на незнакомом языке. Но по контексту понятно, что от меня требуется подтверждение действий.

Да, да, лечи уже скорее!

Блестящая, как ртуть, жидкая субстанция просочилась откуда-то изнутри, быстро заливая всю рану. Боли не было – нога ниже колена онемела так, что я ее вообще не чуял. Кое-как поднявшись, я проковылял к скамейке у песочницы.

С губ сами собой вырывались ругательства. Да что ж за невезуха-то! Так вляпаться уже в самом начале пути! Весь в кровище перепачкался, чуть без ноги не остался. Вся надежда – на чудодейственную инопланетную хреновину, текущую в моих венах. Впрочем, не только на нее. Если бы не наруч с клинком – я бы тоже уже был мертв.

От осознания этого по спине невольно пробежал холодок.

Валяющиеся в луже крови собаки с расстояния в несколько шагов выглядели вполне обычными, но если приглядеться, в глаза бросались инородные детали. Спины какие-то вздутые, обезображеные неровными костяными наростами. Форма черепа тоже изменена, зубы, кажется, стали больше. Животы, наоборот, впали так, что отчетливо видны ребра, будто после нескольких недель голода. Да и в целом что-то крупноватые собачки, даже для ротвейлеров. Похоже, в них вселилась та же самая пакость, что и в людей там, в больнице.

Но почему тогда в меня ничего не вселилось? Или в того пацана с первого этажа? Или в мародеров на улице? Какой-то очень избирательный вирус.

Я встрепенулся, заметив боковым зрением движение справа. Дернулся было, чтобы вскочить, но покусанная нога подвела, и я рухнул обратно на скамейку.

Женщина лет тридцати-тридцати пяти. С растрепанными светлыми волосами, опухшим от слез лицом с размазанной вокруг глаз тушью. Легкое летнее платье разодрано на плече, понизу запачкано чем-то бурым.

Она шла в мою сторону, уставившись в пустоту перед собой, и что-то беззвучно бормотала. Учитывая обстоятельства, я даже поначалу принял ее за очередную одержимую – двигалась она, пошатываясь, механически переставляя ноги, будто зомби.

Но нет. Вроде нормальная. Только в глубоком шоке.

– Эй… – позвал я.

От звука моего голоса женщина вздрогнула, переведя взгляд на меня.

На следующей фразе я запнулся. В самом деле, что сказать-то? Спросить, в порядке ли она? Конечно, ни хрена не в порядке, не видно, что ли?

Блондинка пустым взглядом уставилась на все еще подергивающиеся трупы собак. До чего же живучие гадины…

– Не бойтесь. Они уже никому не причинят вреда, – сказал я. – А вы бы шли домой. Ну, или куда-нибудь в безопасное место. Вдруг тут еще какая-нибудь хрень шастает.

– Это мои собаки, – вдруг хриплым монотонным голосом произнесла она, продолжая шагать вперед. Только сейчас я заметил, что она босая, а ноги исцарапаны в кровь до самых колен. – Султан. Кара… Они ночью будто взбесились. Сашу загрызли, мужа моего. Павлика. Аленку… А меня почему-то не тронули.

У меня в горле сжался горький комок, в голову снова полезли страшные мысли. У меня ведь и у самого дочка где-то здесь, в городе. И если волна этого кошмара докатилась и на другой берег, то…

Остается, конечно, надежда на уговор с Козлоногим. Но вся та встреча в подвале морга настолько сюрреалистична, что кажется сном. Я не успокоюсь, пока своими глазами не увижу Лиску живой и здоровой.

Где-то хлопнула подъездная дверь.

– Ира! – истошный женский крик неприятно резанул по ушам.

К блондинке, размахивая руками, неслась полная пожилая женщина. Добежала, обхватила в охапку, зарыдали вместе. Еще немного – и во двор из ближайшего подъезда потянулись еще какие-то люди. Вскоре их во дворе собралось десятка два-три, не меньше. Кто-то подтягивался поближе, но остальные предпочитали разглядывать место побоища издалека.

Как я и думал. Прятались все. А я, получается, в ловушку попал. Хоть бы кто из окна крикнул, предупредил!

– Ты как, парень? Сильно подрали? – поинтересовался подошедший ко мне мужик лет пятидесяти. – Давай посмотрю, может, перевязать надо. Я врач.

– Да нет, ерунда.

– Да как же ерунда! Я же видел, они тебя повалили. Одна, кажется, в ногу вцепилась.

– Отделался легким испугом, – попытался отшутится я, осторожно поднимаясь со скамейки. – Штаны только порвали.

Не буду же я сейчас рассказывать первому встречному про все пережитое этой ночью. Вряд ли кто-то разглядел мою схватку с собаками во всех подробностях – до ближайших окон метров двадцать, обзор загораживают деревья, грибок песочницы. Клинок разве что могли заметить. Хотя при дневном свете он не такой уж яркий…

Правая нога ниже колена по-прежнему не слушалась и была как чужая. Но вставать на нее было вполне реально. Интересно, сколько времени понадобится амальгаме, чтобы полностью вылечить такую рану?

Перед глазами всплыла подсказка. Снова схема моего тела, подсвеченная область. И прогресс-бар, заполненный едва ли на четверть.

Зар-раза! Придется подождать. Но и светиться лишний раз перед незнакомыми людьми не хочется. Будет слишком много вопросов.

– Ух, кровищи-то сколько! – присвистнул другой мужик, присев на корточки над телами собак, чтобы разглядеть их получше. – Чем это ты их?

Я не ответил. Стянул со спины рюкзак, порылся в нем. В очередной раз шепотом выругался. Помню же, что брал в больницу полотенце. Кажется, забыл в палате.

– Может, все-таки помощь нужна? – спросил тот, кто назвался врачом.

– Нет. Мне домой надо. Дочка у меня… Но сначала, конечно, смыть бы гадостью всю эту…

Я брезгливо коснулся края джинсовки, угвазданной кровью. Футболка под ней была не лучше – на животе тоже было липкое темное пятно.

– Пойдем, ко мне зайдем. У меня квартира на первом.

– Спасибо, я…

– Пойдем, пойдем, – настойчиво повторил мужик. – Нечего тут отсвечивать.

Наткнувшись на его цепкий взгляд, я понял, что лучше согласиться. Мужик был непрост. В отличие от остальных собравшихся зевак, он не истерил, был собран и внимателен. Рядом с ним мне даже самому становилось как-то спокойнее.

– Туда, – указал он на дорожку между клумбами с пышно цветущими георгинами. – Второй подъезд.

– Вы и правда врач? – спросил я, следуя за ним и стараясь поменьше хромать.

Получалось хреново. Нога не просто онемела – стопа совершенно не слушалась, волоклась, будто тряпичная. Амальгама раз за разом выдавала какое-то тревожно мигающее предупреждение, но пришлось его смахивать. Сам понимаю, что нужно отлежаться где-нибудь, не мешать заживлению. Но пока не могу.

– Врач, – кивнул мужик и, видя, что мне тяжело идти, позволил опереться на плечо. Ростом он был сильно ниже и худощавый на вид, но оказался удивительно крепким. – Хирург. Шаль Константин Игоревич. Восемнадцать лет отработал в четвертой больнице, в травматологическом отделении. Это тут, недалеко.

– Из четвертой? – переспросил я. – Повезло вам, что сегодня ночью не ваше дежурство…

– Ну почему же, – криво усмехнулся он, открывая передо мной двери подъезда. – Я тоже пару часов, как оттуда.

Мы встретились взглядами, и он мотнул головой, настойчиво приглашая войти.

Квартира его и правда оказалась на первом. Крохотная однушка, по всем признакам – холостяцкая. В глаза бросился установленный в углу оружейный стальной сейф, камуфляжные куртки на вешалке. Сейф был приоткрыт, рядом на табурете валялась вскрытая пачка ружейных патронов.

– Охотой увлекаетесь? – спросил я.

– Так, по мелочи, – буркнул он, торопливо прибираясь. – Да ты не разувайся. Дуй в ванную. Одежду можешь в раковине застирать. Воды в кране нет, но там фляга набрана. У нас тут перебои частенько с водой, так что держу на всякий случай…

Я последовал его совету и, скрывшись в ванной, быстро застирал пятно на футболке. Выжал ее, натянул прямо мокрую. С джинсовкой пришлось поступить так же. Штаны даже снимать не стал – затер пятно мокрой тряпкой.

Когда вышел, хозяин суетился на кухне. Зайдя к нему, я чуть не подавился слюной при виде бутербродов с колбасой и тонко порезанными огурцами.

– Угощайся.

Я благодарно кивнул, опустился на табуретку и, чуть не подавившись, впился зубами в нехитрое угощение. Константин подвинул мне кружку с отбитой ручкой и пакет молока. Пару минут пролетели в тишине, нарушаемой лишь треском за моими ушами.

– Если у вас оружие было, – все же задал я вопрос, который сразу возник у меня, когда я увидел сейф. – Что ж вы не попробовали этих…

– Была такая мысль, – кивнул хозяин. – Но, наверное, даже хорошо, что не попробовал. У меня же гладкоствол. И дробь, как назло, только на утку. При мне Саша Силуянов из двадцать шестой квартиры с «Макаровым» на них вышел, например. Всю обойму выпустил.

– И как?

– Он где-то там сейчас, под кустами. То, что от него осталось.

Я невольно перестал жевать.

– И вы так спокойно об этом… Не зря говорят, что хирурги – те еще циники.

– Есть немного, – пожал он плечами, не переставая шарить по мне беглым, но цепким взглядом.

Наруч под рукавом уже явно срисовал. Но молчит, ничего не спрашивает.

– Выпить, может, хочешь? – он открыл холодильник и показал початую бутылку водки. – Страху-то натерпелся, небось.

– Спасибо, не надо, – буркнул я. – Да и вообще, учитывая ситуацию, вам бы поэкономить продукты…

– Думаешь, имеет смысл?

Я пожал плечами.

– Я, честно говоря, вообще не знаю, что и думать. Хрень какая-то творится.

– Да я б и покрепче сказал, – усмехнулся он. – И, сдается мне, отсидеться все равно не получится. Рано или поздно они придут и сюда.

– Кто? Монстры?

Я специально притворился, что не понимаю, о ком он, чтобы проверить, что он сам скажет. Но Шаль, кажется, меня раскусил.

– И монстры тоже, – усмехнулся он, не спуская с меня пристального взгляда. – Но они-то как раз не главная проблема. Они просто как стихийное бедствие. Я так понял, появились они из-за вчерашней бури. Некоторые переродились из обычных людей или животных. Но некоторые явно прорвались откуда-то… оттуда. Если ты и правда из четверки, то наверняка повидал там всяких.

– Да, было дело.

– Но я видел и других. Разумных чужаков, человекообразных. Но, правда, в странных доспехах. Уже под утро один из них увел практически всех выживших из больницы. Закованных в одну цепь, как рабов. А до этого видел другого, раненого. Но он свалил.

Я покивал, продолжая жевать.

– А колонны эти видел светящиеся? – продолжил Шаль.

– Где?

– Да везде. Они, похоже, по всему городу натыканы. Я, когда вернулся домой, на крышу поднимался с биноклем. Сейчас, днем, они не так заметны, но в сумерках их издалека видно. Как будто прожекторы вертикально вверх бьют.

– Нет, пока не видел.

– Один из таких был рядом с больницей, во внутреннем дворе. Похоже, от приземления этой штуки заморозило все вокруг. Что-то типа поглощения энергии.

– И вы ее саму видели? На что похоже?

– Да черт его знает. Я издалека смотрел. Сам понимаешь, особо высовываться не хотелось. Что-то типа пирамиды небольшой, и из вершины свет бьет. И потом туда подковылял один из чужаков. Весь в блестящем скафандре, с крыльями. Вошел внутрь, и потом – вжух!

– Взлетел?

– Да там не поймешь. Вспышка яркая. Пока проморгался, пригляделся – пирамиды уже и нет.

– Ясно. Я так и подумал, что это… вторжение какое-то. Инопланетное, возможно.

Я невольно усмехнулся. Говорить вслух о подобных вещах было как-то диковато. В то же время я даже рад был обсудить с кем-то все эти догадки.

– Похоже на то, – согласился Шаль. – Ты куда засобирался-то?

Я и правда попытался встать, снова попробовал опереться на прокушенную ногу. Было уже заметно лучше, хотя полноценно ходить, не прихрамывая, все еще не получалось. Судя по индикаторам амальгамы, процесс заживления завершен едва ли на треть.

– Сядь уже, не прыгай. Я вообще не знаю, как в твоем состоянии ты ходить умудряешься.

– Да в порядке я.

– Ага, как скажешь. Но куда собрался-то?

– Я уже говорил. Мне домой надо. И дочку найти с женой.

– Они где?

– На том берегу. А я тут, недалеко живу, на Советской.

Шаль покачал головой.

– Хреново. Не знаю насчет левого берега, но в район Советской я бы соваться сейчас не стал.

– Почему?

– Да я все про световые колонны эти, от пирамид. Судя по тому, что я с крыши увидал, вокруг них как раз и образуются очаги всякой нечисти. У нас тут относительно спокойно, потому что ближайшая такая возле больницы была, но и то недолго. А там… Пожары, сирены. Вроде даже броневик видел какой-то возле кинотеатра. Собровцы или ОМОН какой. Но, сам понимаешь, не очень-то я верю, что ребятам удастся что-то сделать с этими…

– И что тогда предлагаете? Бежать вообще из города? Или прятаться по подвалам в надежде, что пронесет?

Он пожал плечами.

– Ну, большинство сейчас как раз выбрало второй вариант. Мой дом – моя крепость, как говорится. Да и не хочется же никому верить, что реально пришел большой Пэ.

– Я-то как раз верю. Поэтому хочу добраться до дочки с женой, раздобыть какой-нибудь транспорт и валить отсюда подальше. Такой вот нехитрый план.

– Понимаю, – кивнул он. – Хотя… Я видел еще кое-что, когда на крыше был. Может, конечно, померещилось, да и сумерки еще были, плоховато видно…

– Что видели-то?

– Да так… Знаешь, лучше ты сам убедись. Найди здание повыше и погляди на горизонт. Север, северо-запад, где-то там.

– Ну, попробую, если будет случай. Но чего вы там такого увидели-то, что даже говорить не хотите?

– Да говорю же, не разглядел толком. Но если я не ошибся, то… Кажется, бежать-то и некуда.

Глава 6

У Шаля я пробыл еще минут тридцать – ровно столько, чтобы нога поджила – и снова засобирался в путь. Цель по-прежнему была проста и понятна – добраться до жены и дочки. Ну, хорошо, бывшей жены. Несмотря на то, что мы с Ольгой уже давно не вместе, все же она не совсем чужой человек. Мать моего ребенка, в конце концов. Бросать ее в городе, который вот-вот станет сплошным полем боя, я точно не хочу.

Был бы я один – было бы куда проще. Наверное, сразу двинулся бы в противоположную от дома сторону – к окраинам. Или вернулся к полуразрушенной больнице и укрылся там, как советовал Козлоногий. Если чужаки там уже побывали – есть шанс, что уже не вернутся в ближайшее время. Как говорится, в одну воронку снаряды дважды не падают.

Конечно, было очень тяжело осознавать, что придется все бросить. Квартира, вещи… Все, на что зарабатывал годами. Но я постарался отбросить эти мысли. Как говорится, глупо думать о прическе, когда голова на плахе.

За время, пока мы с хирургом сидели на его кухне, к нему раз пять по разным поводам стучались соседи. Похоже, он пользовался у соседей определенным авторитетом. Однако сейчас это его даже тяготило – открывал он неохотно, перед этим долго переспрашивая через дверь, чего надо.

Во дворе под окнами тем временем собрался целый консилиум. Выкрики спорящих были хорошо слышны с первого этажа.

Слушая долетающие со двора фразы, я невольно успел собрать чуть ли не всю гамму эмоций, свойственных классическим пяти стадиям принятия неизбежного. Кто-то из жильцов дома отказывался верить, что произошло что-то реально серьезное, считая, что ночью прокатился обычный ураган. Многие возмущались бездействием экстренных служб. Какая-то тетка верещала на весь подъезд, что у нее из-за отключившегося электричества холодильник потек, и она будет жаловаться. Непонятно, правда, кому.

Даже забавно, как все-таки упорно человеческая психика цепляется за привычное, отказываясь верить, что привычному порядку вещей пришел конец. Впрочем, просто еще совсем мало времени прошло. И эти люди не видели и десятой доли того, на что я насмотрелся за эту ночь. Иначе бы, наверное, вели себя совсем по-другому.

– Вы остальным-то рассказывали о том, что видели? – спросил я Шаля. – Делились соображениями?

– А смысл? – спокойно пожал плечами хирург. – Панику сеять?

– Ну, не знаю. Как-то… объединиться, что ли. Отпор дать. Вдруг еще какие-нибудь монстры сюда сунутся? У вас тут пара собак несчастных вон сколько народу положила…

– А ты этому удивлен? – вздохнул он. – Я – не очень.

– Не очень верите в людей?

– Да просто времена такие. Каждый сам за себя. И, может, оно и к лучшему. Напугались сейчас все, засядут по домам. Двери сейчас у большинства железные. Может, и удастся отсидеться…

– Судя по тону, вы и сами на это не очень надеетесь.

– Ну почему же. От монстров всяких лучшая защита – не высовываться. Оружия серьезного на руках все равно ни у кого нет. А вот чужаки эти человекообразные…

Он похрустел пальцами, задумчиво глядя в окно.

– Говоришь, видел, как они между собой дрались?

Я молча кивнул.

– Значит, пришельцы эти разбиты как минимум на две враждующие группировки. Ну и мало их. Похоже, вообще рассеяны по одному. Если бы это было массированное вторжение – это было бы заметно. Мы бы тут с тобой сейчас чаи не гоняли с бутербродами.

В очередной раз наткнувшись на его изучающий взгляд, я не выдержал.

– Что вы на меня так смотрите все время? Узоры на мне нарисованы, что ли?

– Так нарисованы же, – усмехнулся он, кивая на забитый татуировкой «рукав» на моей левой руке.

Я даже машинально убрал руки со стола. Шаль в ответ уже откровенно рассмеялся и снова открыл холодильник.

– Слушай, может, все-таки хряпнем по рюмашке?

– Не пью, – буркнул я.

«Ну, разве что вино с дьяволом», – добавил про себя с невеселой усмешкой.

– Но если нальете бутылку воды в дорогу – буду признателен.

– Сделаем.

Хозяин вытащил из-под стола початую пятилитровку, сполоснул из нее пустую бутылку из-под молока и ловко, без воронки, наполнил доверху.

– Уж не побрезгуй.

– Скажете тоже. Спасибо огромное!

Я спрятал бутылку в рюкзак.

– Ну, а насчет того, чего это я на тебя так пялюсь… Очень уж у тебя режик интересный. Поначалу я вообще подумал, что ты один из них.

Я поправил рукав джинсовки, но это не особо помогло. Золотой наруч было хорошо заметно через прорехи в ткани.

– Мало ли, думаю. Вдруг какой разведчик, переоделся в обычную одежду… Но что-то непохоже.

– Да свой я, свой. А клинок… Трофейный, – усмехнулся я.

– Неужто завалил кого-то из них? Как?

– Да нет, они сами с этим справились. Друг дружку ухайдокали. А я подобрал эту штуку.

– Хм… Ну, это обнадеживает. Значит, их все-таки можно убить.

– Теоретически.

Вспоминая схватку между двумя пришельцами там, в переходе больницы, я понимал, что без тяжелого оружия нечего даже и пытаться завалить кого-то из них. А военных частей у нас в черте города нет. Максимум какие-нибудь спецотряды Росгвардии. Но что у них там на вооружении? Калаши какие-нибудь, пистолеты, помповые ружья, светошумовые гранаты… Сильно сомневаюсь, что с помощью этого можно справиться с типами, которые кулаками кирпичные стены рушат.

В одном Шаль прав – кажется, это еще не масштабное вторжение. Возможно, высадились сначала одиночки-разведчики. Кстати, поэтому и захватывают пленных из местных. Может, им «языки» нужны.

Но если так, то скоро и основные силы подтянутся. А значит, времени терять нельзя. Если сейчас не успею добраться до Ольги с Лиской и вывести их из города – будет поздно.

– Ладно, Константин Игоревич, – сказал я, поднимаясь. – Спасибо за хлеб-соль. Вы меня правда очень выручили. Но мне пора.

– Ну, смотри, как знаешь. Даст бог – свидимся еще.

Мы пожали руки. Ладонь у него оказалась небольшой, с тонкими пальцами, но удивительно крепкой.

– Сами-то что собираетесь делать?

– Мне пока податься некуда. Да и незачем. Думаю, снаряжу ружьишко, забаррикадируюсь в квартире и буду ждать. Провизии хватит на недельку, а там посмотрим.

– Ружьишко, сами понимаете, против пришельцев не поможет.

– Зато против своих сгодится, в случае чего. Сдается мне, что когда начнется настоящая неразбериха и паника – от людей тоже придется держаться подальше.

– А вы, как я погляжу, тот еще человеколюб, – усмехнулся я.

– Поживи с мое.

Он захлопнул за мной двери, и я расслышал клацанье замка и цепочки.

Да уж, занятный дядька. Но что-то мне подсказывает, что он не пропадет.

Поправив лямки рюкзака с нехитрым снаряжением, я вышел из подъезда. Стихийное собрание жильцов под окнами продолжалось, но я тут же свернул в сторону, на отмостку вдоль стены, и пошел прочь. Кажется, меня даже кто-то пытался окликнуть, но я сделал вид, что не заметил.

После разговора с Шалем я немного изменил свой план. Возвращаться домой не было смысла, особенно если в районе Советской еще одна «горячая точка» вроде той, что образовалась возле больницы. Ничего особо ценного для нынешней ситуации у меня в квартире все равно нет. Конечно, хотелось бы переодеться во что-то чистое и более удобное. Но не рисковать же ради шмоток.

В соседнем дворе, укрывшись за мусорными баками, я достал телефон. Он пока работал, хотя экран странно мигал, а в углу появилось заметное пятно битых пикселей. Странно, вроде не ударял. Программа-навигатор в оффлайн-режиме худо-бедно запустилась, и я проложил маршрут до моста. Я его и так более-менее знал, но поискал пешеходный путь в обход оживленных магистралей.

Экран телефона снова замерцал, погас на несколько секунд. Вылечилось все повторным нажатием на кнопку включения. Зараза, новый ведь аппарат, меньше полугода назад купил!

А что, если попробовать сохранить карту в интерфейсе амальгамы? Как те руны до этого?

Попробовал. Получилось. Конечно, перенос был не стопроцентным. По сути, что-то вроде скриншота, склеенного из нескольких изображений, снятых с экрана смартфона. Но что такое карта, амальгама точно понимала. Даже, после моей подсказки, отметила мое местоположение и начала отслеживать его, выведя полупрозрачное изображение карты прямо в поле зрения, в правый верхний угол.

Сам я довольно быстро привыкал к амальгаме. Она уже не казалась чем-то пугающим. Я убедился, что это очень полезная штука, по сути, представляющая собой что-то вроде надстройки к организму. Как это работает – непонятно. Первое, что приходило на ум – это рой нанороботов, внедряющихся в ткани на клеточном уровне. Какие-то ее функции – типа улучшенного зрения, заживления ран или управления эмоциями – начали действовать буквально сразу, с первых минут. Возможно, достались в наследство от предыдущего владельца. Но все остальное, похоже, придется настраивать под себя.

Все бы ничего, если бы не совершенно непонятный язык интерфейса. Ну, и отсутствие времени для того, чтобы спокойно посидеть и поэкспериментировать.

Впрочем, насчет языка вопрос, возможно, решится. Насколько я понял, мне удалось запустить задачу по переводу интерфейса на русский – на соответствующей вкладке появился новый прогресс-бар. Но заполнялся он крайне медленно, так что, похоже процесс займет еще несколько часов. Но первые его результаты я уже начал замечать – среди спонтанно возникающих перед глазами символов начали то и дело проскакивать слова на русском.

Дальше я двигался по большей части дворами, лишь изредка обходя дома по внешней стороне. Нога уже полностью зажила, так что шагал быстро. Не крался, но старался не выходить на открытые пространства. Держался поближе к стенам домов, чтобы меня из окон поменьше видно было, обходил стороной густые кусты, откуда мог кто-нибудь выпрыгнуть. Чувствуя мою настороженность, амальгама начала через контактные линзы подсвечивать потенциально опас-

ные области. Живых существ она определяла неплохо, срабатывая как тепловизор – в кустах я то и дело замечал подсвеченные оттенками красного силуэты кошек и бродячих собак.

Людей на улицах встречалось очень мало, но зато на балконах и в оконных проемах я засекал их десятками, особенно на этажах повыше. Некоторые забирались на крыши и осматривали город с высоты, оживленно переговариваясь друг с другом и снимая что-то на телефоны.

Меня все эти картины обнадеживали. Судя по всему, людей в городе выжило много, если не считать очагов вторжения типа той же больницы. Да и чудовища на улицах не разгуливали на каждом шагу. Так что все это не похоже на тотальный зомби-апокалипсис. И это дает шансы на то, что с Ольгой и Лиской все в порядке. И что я успею добраться до них.

И все же, несмотря на знакомые места и на присутствие других людей, я чувствовал себя неуютно, а город казался чужим. Наверное, все из-за неба. Оно по-прежнему было темным, низким, облака необычного, уходящего в фиолетовый, оттенка закручивались причудливыми спиралями. Сам воздух казался тяжелым, насыщенным, словно в самом начале дождя. Но дождя пока не было – тучи просто нависли над городом дамокловым мечом, заставляя время от времени поглядывать на них.

Первую световую колонну, о которых говорил Шаль, я увидел, когда вышел к транспортной развязке рядом с торговым центром. Самой пирамиды видно не было – ее загораживали здания. Но столб яркого голубого света, бьющий в небо, был заметен даже днем. Впрочем, неудивительно – солнце скрывалось за тучами, город тонул в невнятных серых сумерках.

Само здание ТЦ – огромное, четырехэтажное, с вычурным стеклянным фасадом и кучей рекламных баннеров на боковых стенах – здорово пострадало во время бури. Добрая половина остекления валялась сейчас на асфальте в виде осколков, откуда-то из-под крыши сочились струи сизого дыма. Но больше всего мне не понравились побеги толстой черной лозы, опутывающие угол здания. Я уже видел подобное в больнице, только здесь эта хреновина разрослась уже на сотни квадратных метров, и даже издалека можно было различить желтоватые коконы, кое-где свисающие со стены целыми гроздьями.

Вот от этой штуки точно надо держаться подальше. Когда она даст урожай – мало не покажется.

Я свернул в сторону, обходя здание по широкой дуге, через парковку. Машин было много, и, на удивление, большинство оказались неповрежденными, только у некоторых на стеклах змеились трещины от ударов чего-то небольшого, но тяжелого. Я, чуть пригибаясь, потрусил между рядами, стараясь как можно быстрее преодолеть открытое пространство. Сейчас доберусь до бензоколонки, там нужно будет свернуть направо, во дворы, пройти наискосок три квартала, и выйду, наконец, на улицу, ведущую прямиком к мосту…

Амальгама вдруг залила всю область зрения пульсирующим красным, предупреждая об опасности. Я присел, прячась за здоровенной черной «Тундрой». Пока было тихо, если не считать фоновых звуков типа отголосков сирен, к которым я уже успел привыкнуть за эти часы. Но пальцы уже подрагивали от хлынувшего в кровь адреналина, сердце заколотилось, взгляд шарил по окрестностям в поисках источника опасности.

В первую очередь я осматривал здание торгового центра – решил, что оттуда может выскочить какой-нибудь монстр. Но угрозу в итоге засек слева, на дальнем конце парковки.

Чужак!

Мне хватило беглого взгляда, чтобы понять, что это именно арран. В привычном земном антураже он выглядел совершенно чуждым, будто какого-нибудь эльфа в сияющих доспехах запихнули в фильм про Вторую мировую.

Доспехи, к слову, и правда были сияющими, в прямом смысле слова. Золото с белым, вычурный высокий шлем, какая-то массивная конструкция на спине, возвышающаяся над пле-

чами. Если бы было солнечно, наверняка бликовали бы так, что отбрасывали ослепительных «зайчиков».

Пафосные ребята, конечно. Ну, этот хоть не полностью золотой. И без крыльев.

Я присел еще ниже, всерьез подумывая, не залезть ли и вовсе под машину – клиренс у внедорожника вроде бы позволял. Но, выглянув еще раз, увидел, что арран несется прямиком в мою сторону.

Так это он по мою душу, что ли? Похоже на то. Больше вокруг никого не видно, только метрах в двухстах выше по улице, объезжая брошенные прямо посреди дороги машины, несется бронированный инкассаторский фургон.

Арран бежал по центральному проходу парковки, грохая по асфальту подковами латных сапог. Он был куда выше и мощнее, чем тот крылатый из больницы, но казался немного грузным и неповоротливым из-за тяжелой надстройки на задней стороне кирасы. Впрочем, если бы вся эта амуниция на нем была из обычного металла, то весила бы, наверное, килограмм пятьдесят, а то и больше. Странно, что еще оружия в руках не видно.

Накаркал. Оружие у чужака было, просто непривычного вида.

Сразу, как только стало понятно, что бежит арран прямо ко мне, а значит, прятаться уже поздно, я рванул наискосок через парковку, лавируя между плотно поставленными машинами. Бежал к въезду на подземный паркинг – до него было всего метров тридцать, и там есть хоть какой-то шанс укрыться. На открытом пространстве чужак меня точно в два счета прихлопнет.

Позади раздался громкий лязг, скрежет сминаемого железа. Обернувшись на бегу, я удивленно вскрикнул.

Арран бежал прямо по крышам машин, перепрыгивая с одной на другую и заметно проминая крыши. Держа одну руку на отлете, он раскручивал, как пропеллер, толстую светящуюся цепь с грузом на конце. Сиганув вперед, он хлестнул ею, как плетью, и та растянулась в длину метров на пять. Я вовремя метнулся в сторону, так что меня она не достала. Зато машину, мимо которой я бежал, располосовала наискосок, от капота до багажника, впиваясь в металл плоскими острыми зубцами. Наконечник, похожий на клешню, клацнул в воздухе совсем рядом со мной.

Зубцы на звеньях цепи втянулись, сами звенья сомкнулись плотнее, и арран рывком подтянул ужавшееся оружие к себе. Выкрикнул что-то могучим грохочущим голосом. Кажется, замахнулся снова – я уже не следил, потому что, не чуя под собой ног, несся дальше, перекатываясь через капоты машин и перепрыгивая через ограждения.

В подземном паркинге царила полутьма. Ночное зрение тут же активировалось, подсвечивая четкими контурами ряды колонн, свисающие с потолка таблички указателей, бетонные полусферы по краям пешеходных зон. Я бросился вперед, продолжая лавировать между машинами. Я был мельче и чуть быстрее преследователя, так что пытался максимально это использовать.

Получалось. Арран потихоньку отставал, но именно что потихоньку. На прямой он меня вполне догонит, да еще и на бегу плетью достанет. Одна надежда – оторваться от него где-нибудь в тесном лабиринте, а потом затеряться.

Светящаяся цепь снова ухнула совсем рядом, проминая крышу машины. Преследователь нетерпеливо рванул ее назад, не дожидаясь, пока шипы втянутся, и тонкий металл вздыбился рваными краями, будто неаккуратно вскрытая консервная банка. Тут же мне вслед полетело что-то яркое. Я как раз метнулся за колонну, и заряд ухнул в нее, взорвался, опалив мне спину. Я невольно заорал в голос и сиганул вперед, перелетая одним махом через капот какой-то дамской красной машинки. Чудом устоял на ногах и метнулся в другую сторону, укрываясь за микроавтобусом.

В него тоже ухнуло несколько зарядов – ослепительно-белые шарики размером с теннисный мяч вырывались из короткой пушки аррана, закрепленной на внешней стороне предплечья.

Зар-раза, дальнобойное у него тоже есть!

Позади вдруг грохнул взрыв – к потолку взметнулся огненный пузырь, отдаваясь эхом, по полу зазвенели мелкие обломки. Неужели бензобак так рванул? Или, может, одна из машин на газу была?

Меня, к счастью, почти не зацепило, только подстегнуло бежать еще быстрее. А вот аррана, похоже, ненадолго замедлило. Это дало мне несколько драгоценных секунд на то, чтобы добраться до дверей, ведущих внутрь самого торгового центра.

Сходу рванул по стоящему эскалатору на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Наверху свернул направо, укрываясь за «островком» с мороженым и тому подобными сладостями. Пригнувшись, пробежал дальше, к следующему, попутно крутя головой в поисках места, где можно укрыться понадежнее. Надо нырять в один из магазинов и искать какие-нибудь служебные выходы. Потому что пока я, как в аквариуме – стекло кругом. Планировка у этажей кольцеобразная – магазины с прозрачными витринами по кругу, в центре – единое пространство высотой в четыре этажа, огороженное перилами, тоже из стекла. Просматривается все буквально насквозь.

Вот только после всей этой погони я чуть легкие не выплевывал. Нужно было передохнуть хотя бы минуту. Привалился спиной к прилавку, замер, стараясь успокоить дыхание. Сердце чуть из груди не выскакивало, и амальгама, похоже, пока не могла с этим помочь.

Аррана, как ни странно, не было слышно. Неужели отстал? Сомневаюсь, что тем взрывом его серьезно накрыло. Скорее просто дезориентировало немного, и он потерял меня из виду.

Ладно, оставаться на одном месте в любом случае не стоит, надо увеличивать разрыв. Я двинулся дальше – по-прежнему пригибаясь и стараясь держаться подальше от прозрачных перил, чтобы меня не было видно с первого этажа.

Магазины, к моему удивлению, были открыты, лишь у очень немногих витрины были наглухо задраены рольставнями. Выходит, буря грянула, когда торговый центр еще работал. Причем грянула сразу, резко – большинство людей попросту бежали отсюда, побросав рабочие места. Пол весь был усыпан осколками стекла и всяким хламом, который разметало ветром. Какие-то обломки, коробки, опрокинутые кадки с искусственными цветами. На первом этаже громоздилась целая гора обломков от огромной люстры, рухнувшей с потолка. Вдобавок весь пол почему-то был мокрым – возможно, сработала система пожаротушения.

Так, прикинем. Оперировать меня начали где-то в шесть вечера – привезли в больницу с острым аппендицитом, откладывать на утро уже было нельзя. Выходит, началось все где-то между шестью и десятью часами…

Осколки и прочий мусор то и дело хрустели под ногами, и я каждый раз стискивал зубы, настороженно оглядываясь. Вокруг не было ни души, но это как раз нервировало еще больше. Пустой разбомбленный торговый центр и сам по себе выглядел, как говорит молодежь, крипово. А если вспомнить о том, что тут могут быть монстры, а по пятам за мной следует агрессивно настроенный чужак – то и вовсе получалось комбо.

Надо выбираться отсюда. Не тем же путем, конечно. Добежать до дальнего конца этажа, спуститься и выйти через другие двери…

Рядом со мной вдруг словно граната взорвалась. Секция стеклянного ограждения разлетелась вдребезги – откуда-то снизу, пробив ее, прилетел наконечник уже знакомой светящейся цепи, вонзился в колонну в паре метров от меня. Сама цепь снова трансформировалась, резко сжимаясь, и арран в бело-золотых доспехах подтянулся на ней, рывком запрыгивая на второй этаж.

Я, оскальзываясь на влажном полу и чудом не спотыкаясь о разбросанный хлам, рванулся назад, но на этот раз мне повезло куда меньше. Точнее, наверное, преследователь мой действовал куда точнее. Место для новой атаки он подобрал удачно – я оказался на открытом участке, укрытий никаких. Бежать, конечно, можно. Но только чтобы получить удар плетью в спину или заряд из плазменной пушки. Так себе дилемма.

Впрочем, оставался и третий вариант.

Зарычав от досады и ярости, я развернулся в сторону чужака. Светящийся клинок сам собой вырвался из наруча.

Конечно, драться с таким – полное безумие. Силы, мягко говоря, неравны. Тут даже чудо-клинок не особо поможет – думаю, броня противника рассчитана и на такое оружие, так что вполне держит удар. Но что мне оставалось делать? Как говорится, помирать – так с музыкой.

Аррана мой маневр почему-то здорово возмутил – он разразился длинной гневной тирадой на незнакомом языке, напоминающем не то латынь, не то греческий. Попер на меня, сжимая кулаки. Цепь его втянулась куда-то за спину, пушки на предплечье тоже не было видно – похоже, тоже убралась в кобуру.

Он что, с голыми руками на меня решил идти? Тогда, может, у меня есть кое-какие шансы…

Ага, как же!

Я машинально встал в боевую стойку, встретил противника серией быстрых режущих ударов перед собой. Но арран, несмотря на внушительный рост и толстые доспехи, двигался быстро, играючи уклоняясь от клинка ровно настолько, чтобы светящаяся полоса проходила буквально в волоске от него. Будто издевался. И продолжал что-то рычать по-своему.

– Сорд'идас гелот! Куом одес танквере сакра теллум, бэстиа?!

Ответной атаки долго ждать не пришлось. Я даже не понял толком, что произошло. Кажется, он просто выбрал момент, когда я оказался открыт, и ударил тыльной стороной ладони по лицу. Вроде как пощечину влепил. Но только пощечина эта – в латной рукавице, так что едва не отправила меня в нокаут.

Щека взорвалась от боли – такое чувство, что кожу с нее содрали от виска до самого подбородка. Перед глазами все поплыло. А дальше я будто бы упал в бассейн с темной, как чернила, водой, и барахтался, пытаясь понять, где верх, где низ.

Через несколько секунд сознание немного прояснилось, и я увидел перед лицом грязные плитки пола и собственные руки, которыми я упирался, пытаясь подняться.

Подняться не получилось – арран пнул меня под дых, отшвыривая на пару метров. Дыхание перехватило, и я, выгнувшись дугой, захрипел, разевая рот, будто выброшенная на берег рыба. Чужак же в блестящих доспехах не спеша прохаживался рядом, будто примеряясь, как бы пнуть меня еще больнее. И продолжал что-то вещать.

– Вос эрантиас мори! – процедил он напоследок.

Снова пнул меня в живот, но в этот раз я успел среагировать, напрягся. Удар был сильным – я аж отъехал по гладкому полу. Но я уже более-менее пришел в себя, если такое вообще уместно говорить в подобной ситуации. От боли кровь стучала в висках, голова кружилась, зрение стало туннельным – сквозь едкую пелену слез я видел перед собой только расплывчатый силуэт аррана, вокруг же все будто растворилось в пульсирующем красноватом сумраке. Я отчетливо слышал стук своего сердца – какой-то неровный и неуверенный, будто замедляющийся. Один из главных признаков того, что я *проваливаюсь*.

Я развернулся, откидываясь на спину и сжимая кулаки. Клинок пока не активировал. Надо попробовать подловить гада, ударить навстречу, когда он попробует пнуть меня снова…

Но вместо удара арран наклонился ко мне, хватая за шкирку. Я полоснул-таки его клинком, но удар пришелся вскользь по доспехам, а потом он перехватил меня за запястье. Легко поднял перед собой, сделал несколько шагов вперед, ударяя мной в стену.

Забрало глухого шлема, выполненное в виде золотой маски с горящими глазами, вдруг трансформировалось, разделившись на половины и прячась где-то в глубине шлема. К моему удивлению, под ним оказалось вполне человеческое мужское лицо – бледное, перекошенное от ярости, с выбившейся на лоб прядью золотистых волос. На вид – лет тридцати, не больше. Правильные, благородные черты лица, неестественно светлые, почти прозрачные глаза.

– Эт одиум про фур'ари реликуас ин магна домус Ортос! – оскалив идеально ровные белые зубы, прорычал чужак, все сильнее сжимая мне горло.

Я продолжал бороться, отчаянно пытаясь дотянуться до него светящимся клинком. Свободной рукой инстинктивно вцепился в его правую перчатку, стараясь ослабить хватку. Но он был гораздо сильнее. Уж не знаю, сам по себе, или в скафандре его скрывались какая-нибудь экзоскелетная мускулатура. Но стало ясно, что мне не победить. Сознание уже начало меркнуть от удушья, я с трудом различал перед собой лицо противника. Еще немного – обмяк, повиснув в руках чужака тряпичной куклой. Светящийся клинок втянулся обратно в наруч.

Ударив меня еще раз спиной о стену, арран брезгливо швырнул меня на пол. Опустившись следом на одно колено, обеими руками ухватился за мое правое предплечье. Затрещала ткань рукава – он порвал джинсовку, добираясь до наруча.

Так все из-за этого наруча! Чужак разозлился, потому что у меня их оружие!

Я еще не окончательно потерял сознание, но чувствовал себя так, будто душа моя уже отлетела и теперь парит где-то рядом, глядя на самого себя со стороны. Боль отступила, я вообще почти не чувствовал своего тела. Только сердце колотилось так громко, что я явственно слышал каждый удар.

Ту-тум… Ту-тум… Ту-тум…

Явно подкатывал очередной приступ – я завис на самой грани серого мира. Вот только амальгама, пытаясь стабилизировать мое состояние, сейчас оказывала мне медвежью услугу, не давая мне окончательно провалиться.

Да нет же, нет! Не мешай! Наоборот…

Я зажмурился, сосредоточился на этой мысли, и вдруг…

Это было похоже на вспышку какого-то озарения. На секунду все будто бы замерло и отодвинулось на задний план. Я забыл об арране, пытающемся содрать с меня наруч. Забыл о впивающихся в тело осколках стекла, на которые упал, о боли в щеке, об отбитых ребрах – вообще обо всем. Сосредоточился только на том особом, звенящем ощущении, которое обычно накатывало на меня в моменты, когда я проваливался в серый мир. Обычно оно было мимолетным – как вспышка, как короткое ощущение свободного падения, когда неожиданно под ногами оказывается ступенька вниз, и ты шагаешь на нее, не заметив. Но в этот раз я четко поймал его, зафиксировал, прислушиваясь к себе.

Распахнул глаза и встретился взглядом с нависшим надо мной арраном. Тот, заметив, что я очнулся, снова что-то злобно проворчал и, размахнувшись, ударил меня в лицо закованным в блестящую броню кулаком.

Но в тот самый миг ЭТО произошло снова.

Хотя нет. Все было иначе, совсем не похоже на прежние мои приступы. Я сразу понял, что этот раз отличается от всех моих прежних попаданий в серый мир.

Потому что я не провалился. Я *нырнул*.

Глава 7

Превратившаяся в серый бесплотный призрак фигура аррана по-прежнему нависала надо мной. Я даже успел разглядеть метнувшийся мне в лицо кулак, инстинктивно откатился в сторону, хотя это было уже не обязательно. Поднялся на ноги, не сводя взгляда с аррана. Раздраженно мотнул головой, смахивая из зоны видимости выскочившие перед глазами светящиеся надписи на незнакомом языке.

Противник, долбанув кулаком в пол, вскочил, озираясь. Черты его лица в сером мире размывались, а жаль. Я бы сейчас с удовольствием поглядел на его растерянную рожу!

Как и в прошлый раз, в больнице, я видел внутри чужака амальгаму, сплетающуюся в причудливый узор из тончайших нитей, капель, небольших сгустков в районе головы, глаз, позвоночника. Даже протянул руку и попробовал коснуться одного из таких сгустков. Но ладонь просто прошла сквозь призрачную фигуру, как сквозь столб дыма, не встретив никакого сопротивления.

Значит, взаимодействовать я с ней могу только в реальном мире? Но в прошлый раз ведь как-то получилось? Или все дело в том, что в прошлый раз носитель амальгамы был мертв, и ей нужен был новый? Либо же контакт совпал с моментом моего возращения в реальность, и в мозгу эти события причудливым образом слились, наложились друг на друга…

Однозначный ответ здесь дать невозможно. Я ведь понятия не имею, что это за странное состояние, в которое я впадаю, какова его природа, откуда у меня вообще этот дар. Тут даже детские воспоминания о прошлых инцидентах не особо помогают. Во-первых, потому что я долгое время вообще старался забыть обо всем этом. А во-вторых, это примерно как со сновидениями. Ты довольно четко можешь вспомнить какие-то отдельные эпизоды из середины, но очень сложно сказать, с чего сон начался и чем закончился.

В этом смысле сейчас у меня был настоящий прорыв. Я впервые в жизни нырнул в этот сумрак осознанно, целенаправленно, поймав это ощущение. И это снова, как и ночью в больнице, спасло мне жизнь. Поэтому даже к самому серому миру, который с детства являлся мне в кошмарах, я постепенно начинал относиться по-другому. В конце концов, здесь я в относительной безопасности.

Чужак, судя по движениям, был в ярости. Даже расколотил ударом кулака стеклянную стену ближайшего магазина. Звуки сюда не прорывались, но я уверен, что он вопил и ругался, на чем свет стоит.

Давай-давай, побесись. Тебе стоило прибить меня сразу, а не выеживаться.

Я поморщился, касаясь кончиками пальцев разбитой щеки. Амальгама, не дожидаясь прямой команды, уже начала заживление, да и боли почти не чувствовалось. Но, судя по тому, что я смог нащупать, у меня через все лицо шла довольно глубокая рваная рана. Да и ребра мне арран знатно пересчитал. Как минимум пара-тройка трещин плюс ушибы.

Ладно, можно сказать, легко отделался. Ничего страшного. Если уж прокушенную до кости ногу амальгама залечила меньше чем за час, то тут и подавно справится. Надеюсь, ресурсы у нее не ограничены. Потому что у меня-то самого – очень даже. Усталость, стресс, голод – все это стремительно накапливалось, а я ведь еще даже половину пути до цели не одолел.

Но больше всего меня подтачивало то, что я не могу контролировать ситуацию.

Это обратная сторона жесткой самодисциплины. Я настолько привык расписывать по часам каждый свой день, четко определяя задачи и приоритеты, что это превратилось уже в некое подобие обсессивно-компульсивного расстройства. Конечно, я не псих, расставляющий по линейке обувь в прихожей или пересчитывающий макароны в каждой пачке. Но когда что-то идет не по плану – это здорово портит мне настроение.

Но, видимо, придется привыкать. Вряд ли в ближайшие дни удастся вернуться к привычному образу жизни.

Арран все никак не унимался – метался по этажу, пытаясь меня отыскать, крушил прилавки. А что, если попробовать неожиданно выскочить из тени и атаковать его клинком сзади? Ну, нет уж. Наша предыдущая схватка была короткой, но весьма поучительной. Связываться с этим терминатором не стоит.

Я осторожно двинулся в сторону эскалатора. Отходить далеко от места провала в серый мир опасно. Так что поднимусь, сделаю петлю и вернусь примерно на то же место, но этажом выше. А там уж, дождавшись, пока этот горе-охотник уйдет, попробую вынырнуть обратно в реальность.

Побыстрее бы. Серый мир заставлял нервничать не меньше, чем в детстве. Да чего уж там – откровенно пугал. Даже просто находиться здесь было неприятно – будто стоишь на шаткой прозрачной платформе, задранной на головокружительную высоту.

Громада торгового центра, в реале поблескивающая стеклом и хромом, здесь превратилась в полутемную пещеру, заполненную серым туманом, пронизанным какими-то странными багровыми полосами, свивающимися в спирали. Ступени эскалатора были похожи на потеки воска с оплывшей свечи, его перила изгибались причудливыми волнами, так что подняться оказалось не так просто.

Что-то тут неладно. Раньше серый мир был точной копией настоящего, просто какой-то… пустой, что ли. Без цветов, звуков и запахов. Чтобы словить такой эффект искажений, нужно было значительно отдалиться от точки входа. Но сейчас я с трудом узнавал детали обстановки даже здесь, недалеко от места, где провалился. Знакомые очертания, с точностью копирующие обстановку реального мира, здесь попадались небольшими островками. Будто на бумажную фотографию накапали чем-то едким, размывающим краску, так что можно было разглядеть изображение только клочками.

На третьем этаже настороженно огляделся, прислушиваясь к странному шелесту, доносящемуся сверху, откуда-то с потолка. Там маячила черно-багровая тьма – плотная, пульсирующая, будто живая. От нее разрастались, растекались по стенам причудливыми щупальцами побеги уже знакомой грибницы. Приближаться к ней не хотелось, хотя здесь ее порождения вроде бы не могли причинить мне вреда.

Ключевое слово – вроде бы. Во всей этой катавасии уже ни в чем нельзя быть уверенным.

Я отыскал более-менее нормально выглядящий участок, подошел к стеклянным перилам. Стекло здесь, в сером мире, превратилось в едва заметную серую дымку. Заглянул вниз, на второй этаж. Аррана уже не было видно, но наверняка он еще где-то близко. Скорее всего, обыскивает здание.

Так, нужно переждать какое-то время. Надеюсь, вернуться получится без проблем – тоже осознанно, по собственной воле. Ведь нырнуть-то получилось. Может, мне и правда, наконец, удалось обуздать эту свою способность, и теперь это действительно дар, а не проклятье.

Я сел на пол, скрестив ноги. Устроился на самом краю яруса, у перил, чтобы обеспечить себе максимальный обзор. Замер, прислушиваясь, сливаясь с обстановкой и стараясь побороть неприятные ощущения, которые накапливались и усиливались с каждой минутой пребывания здесь. Выныривать нужно при первой же возможности, иначе так и нервный срыв заработать можно.

Было тихо, но через пару минут стало понятно, что торговый центр не так пуст, как показалось поначалу. Взгляд изредка цеплялся за мелькающие на смежных этажах серые тени. Выжившие? Чудовища? Мародеры? Просто случайные люди, забредшие сюда уже после бури? Пока непонятно. Но по возвращению в реальный мир надо быть настороже.

На верхних этажах, на удивление, было спокойно – за все время я не засек ни единого движения. Только сами черные корни, опутывающие потолок здания, пульсировали и изви-

вались, расползаясь все дальше. Но происходило это очень медленно, и заметить это можно было, только если долго приглядываться.

Время в сером мире текло непредсказуемо, и в этот раз у меня даже часов с собой не было, чтобы хоть на что-то ориентироваться. Но я решил подождать, пока хватит терпения. Пусть преследовавший меня арран свалит подальше.

Я замер, медленно и глубоко дыша, погрузившись в чуткую медитацию. Обычно в таком состоянии нужно прикрывать глаза, но здесь этого сделать не получалось. Стоило сомкнуть веки – как начинало казаться, что где-то совсем рядом кто-то есть. Боковым зрением я постоянно ловил какое-то смутное движение то слева, то справа. Но стоило повернуться – как все исчезало. Скорее всего, это просто глюки, иллюзии. Одна из раздражающих особенностей серого мира. Если сосредоточиться, ее вполне можно игнорировать. Вот еще бы что-то сделать с нарастающим чувство тревоги…

Раз. Два. Три. Четыре.

Жили мошки на квартире…

Еще один медленный глубокий вдох – и ненужные эмоции постепенно улеглись. Работает! Ну, хоть что-то не меняется.

За свою жизнь я перепробовал множество духовных практик – начиная от банальной йоги и цигуна и заканчивая осознанными сновидениями и перуанскими ритуалами с распитием аяуаски. Со стороны могло показаться, что я здорово сдвинулся на теме эзотерики. Но на самом деле я с детства был рациональным до мозга костей, и весь мой интерес к подобным вещам носил сугубо практический характер. Так же как и занятия единоборствами, к слову. Главное, что меня в них интересовало – это развитие самодисциплины и контроль над собственным телом. Спортивные достижения мне были безразличны. Я и в соревнованиях-то участвовал только потому, что схватки с реальными противниками – это тоже отличный способ научиться контролировать свое поведение в стрессовой ситуации.

Все это для меня было способами борьбы с одолевающими меня приступами. В первую очередь, конечно, с провалами в серый мир. И этот вопрос мне удалось закрыть надолго. Впрочем, помимо провалов, меня всю жизнь преследуют хоть и менее серьезные, но тоже весьма неприятные явления. Ночные кошмары. Редкие, но очень реалистичные слуховые и зрительные галлюцинации. Периоды паранойи и других навязчивых состояний.

Проще всего было бы признаться себе в том, что я… мягко говоря, не в себе. И одно время я даже шел по этому пути и пытался прибегнуть к врачебной помощи. Однако опыт общения с мозгоправами оказался непродуктивным и, к счастью, недолгим. Я быстро понял, что это тупик. И что помочь себе могу только я сам. Как Мюнхгаузен, вытаскивающий себя за волосы из болота.

Так постепенно я и обрастал всеми этими привычками и ритуалами. Регулярная медитация – из их числа. Никакой мистики, никаких очищений чакр и открытия третьего глаза. Чистый аутотренинг и управление эмоциями.

Амальгама внесла в привычные действия свою лепту. Оказалось, что она, как допинг, в разы усиливает эффект от медитации, улавливая мысленные запросы и управляя гормональным фоном, дыханием, сердцебиением. Я быстро успокоился, горячка, охватившая меня после погони и схватки, ушла, уступив место холодному расчету. Мысли потекли не спеша, но четко – будто тикал отлаженный часовой механизм.

Итак, что мы имеем…

Арран появился не случайно. Он выследил меня. Судя по внешнему виду, он из той же группировки, что и хозяин моего трофейного наруча. И он хочет его вернуть.

Может, тогда лучше избавиться от этой штуки? Мало мне проблем, так еще и настырный чужак будет висеть на хвосте…

Я, закатав рукав, провел кончиками пальцев по выпуклому узору на золотистом металле. Невольно залюбовался красотой и изяществом конструкции. Ну, нет уж! Если бы не наруч и не амальгама, я бы уже точно был бы мертв. И, чую, дальше они мне еще не раз пригодятся. Даже, пожалуй, не отказался бы обзавестись и другими трофеями.

Вспомнился разговор с Козлоногим. Демон был прав. Я ведь тогда мог бы добить второго аррана, собрать еще больше амальгамы. Да и доспехи можно было попробовать снять. Нечего было церемониться. Эти ублюдки вторглись в наш мир, и судя по тому, что я за это время увидел и услышал – вторглись с враждебными намерениями. Так что и встречать их нужно соответствующе.

Но к встрече нужно будет подготовиться. И в этом смысле даже к лучшему, что я на некоторое время застрял здесь, в торговом центре. Здесь можно прихватить кучу всего полезного. Да, мародерство. Но в нынешней ситуации это уже неважно. Надо смотреть правде глаза – настал тот самый БП. Так что все равно этот магазин, как и остальные в городе, разграбят в ближайшие день-два. И я даже не стал бы осуждать людей, которые в этом будут участвовать.

Вот и мне надо раздобыть нормальную одежду, запас воды и продуктов. Оружейного магазина тут точно нет, но, кажется, был отдел «Все для охоты и рыбалки». Там можно разжиться какой-нибудь экипировкой. А еще – надо попробовать выбраться на крышу и оглядеть город с высоты. У меня из головы не шли слова Шаля. Что же он такого увидел-то там, на севере? Надо посмотреть самому.

Все это уже похоже на план. Я даже набросал его в интерфейсе амальгамы в виде короткого списка. И сразу полегчало. Неважно, что вокруг хаос. Главное, чтобы в голове был порядок.

Вынырнуть из серого мира получилось на удивление легко. Достаточно было сосредоточиться на этой мысли. Я встал у перил, протянул к ним руку, представил на месте серой призрачной дымки твердое гладкое стекло и хромированный поручень. Еще секунда – и пальцы легли на холодный блестящий металл. Амальгама отреагировала на это какой-то надписью, состоящей из незнакомых кракозябр.

Уф… Я и правда научился! Конечно, надо будет еще потренироваться. Но эта возможность ускользнуть из реальности выглядит очень перспективной.

Я обыскал этаж на предмет полезных для меня магазинов. В продуктовом супермаркете с трудом подавил в себе желание набить полный рюкзак. Двигаться нужно быстро, я и так много времени потерял. Так что лишний груз ни к чему, лучше просто хорошенько подкрепиться на месте.

Забросил в рюкзак полторашку воды, пару запакованных сендвичей, с дюжину протеиновых батончиков. Наткнувшись на аптеку, выгреб с витрины весь гематоген. А вот в отделе кулинарии набрал сытных пирожков с мясом, хот-догов, беляшей и уминал их прямо на ходу, запивая подхваченным с витрины кефиром.

Аппетит, к слову, был зверский. Бутерброды, которыми меня угостил Шаль, были единственной моей едой за последние полдня. Но даже с учетом этого голод был неестественно сильный. Кажется, дело снова в амальгаме. Возможно, до этого она приглушала чувство голода, но стоило в поле зрения появиться чему-то съестному – как начала настойчиво маячить, подсвечивая продукты на полках.

Все эти фокусы с быстрой регенерацией наверняка имеют свою цену. Я за эти полдня, наверное, похудел килограмм на пять, а то и больше. Основные физиологические законы никто не отменял, так что надо подзарядить организм питательными веществами. А еще, конечно, не подставляться больше так. Еще парочка серьезных ранений – и уже никакая амальгама не поможет.

Дальше я постоянно что-то жевал на ходу, причем порой хватая что-нибудь такое, что в обычной жизни сроду не ел. И тут без амальгамы не обошлось – она ярко подсвечивала

некоторые продукты и побуждала взять именно их. Например, я слопал грамм триста свиного холодца, на который обычно даже смотреть-то не могу без содрогания. Возможно, организму нужно срочно восполнить какие-то конкретные аминокислоты и микроэлементы, и амальгама каким-то образом выискивает их в окружении.

Увы, при поиске других предметов подобных подсказок я не получал. Может, просто и сам недостаточно четко представлял, что ищу, и потому амальгама не могла считать мои запросы.

Ненадолго заскочил в отдел электроники – думал взять несколько пауэрбанков, чтобы подзаряжать телефон. Но понял, что это пустая затея. Мой смартфон окончательно сдох – включался, но почти всю поверхность экрана залили кляксы битых пикселей. И с теми гаджетами, что были выложены на витринах, все обстояло примерно так же. Вся электроника стремительно приходила в негодность. Электричества тоже не было во всем здании.

Обидно. Но будем иметь в виду. На технику надежды нет.

Вообще, это блуждание по пустынному торговому центру было похоже на сбывшуюся детскую мечту. Заходи в любой магазин, бери, что хочешь. Меня даже запертые двери не могли остановить – светящийся клинок в наруче легко перерезал любые замки. Отдел «Все для охоты и рыбалки» вообще оказался закрыт рольставнями, но я попросту прорезал в них большой овальный проход.

Упражнения с клинком оказались весьма познавательными. Я потренировался быстро активировать его мысленной командой. Проверил на остроту, лишний раз убедившись, что светящееся полотно одинаково легко режет любой материал. Правда, были плохие новости. Я немного увлекся с экспериментами, пробуя разрезать все подряд – стеклянные перегородки, металлические поручни, даже прорезал корпус у банкомата. И заметил тревожно замигавший индикатор на наруче. Амальгама тоже подсветила его, выдав в режиме дополненной реальности визуальную подсказку, в которой некоторые слова уже были на русском – «заряд», «мощность», «расход», «накопление».

Придется подождать, пока амальгама окончательно не переведет интерфейс на понятный мне язык. Но даже сейчас ясно, что ресурс клинка не бесконечен. Либо требует времени на перезарядку. В любом случае, не стоит тратить его на всякую ерунду.

В охотничьем магазине я задержался – тут было, чем поживиться. Переобулся в крепкие удобные ботинки с высокой шнуровкой, надел камуфляжные штаны и куртку, под нее – свежую футболку и жилет-разгрузку с кучей всяких кармашков. Повозился с правым рукавом, стараясь приспособить его так, чтобы он скрывал большую часть наруча, но при этом сопло, из которого вырывается клинок, оставалось снаружи. Иначе опять прожгу при следующей же активации оружия.

Из других полезностей прихватил бинокль, фонарик, моток тонкой, но крепкой веревки с карабинами, влагостойкие спички, небольшой топорик и нож. Все это мне в той или иной степени могла заменить амальгама и золотой наруч. Но мало ли. Запас карман не тянет – вся добыча легко уместилась в рюкзаке и на поясе.

На этом я решил закончить шопинг и, как и планировал, двинулся на верхние этажи. Выходить из здания тем же путем, через который вошел, точно не стоит. Еще опять на аррана нарвусь. Выберусь на крышу по пожарной лестнице, огляжусь. А выйти надо будет где-нибудь на другой стороне здания. Можно даже попробовать снова нырнуть в серый мир и поэкспериментировать. Помню, раньше мне удавалось там прыгать с большой высоты и проходить сквозь стены. Надо выяснить, работает ли это сейчас.

Дорогу к служебным помещениям и к лестнице я отыскал по схемам эвакуации. Удобнее всего было выйти туда через третий этаж. Но, как назло, туда уже дотягивались побеги черной лозы. Они, кстати, здорово разрослись даже за то время, что я здесь находился. Пожалуй, еще пара часов – и опутают все здание.

После инцидента в больнице приближаться к этой штуке жутко не хотелось. Хотя, тут пройти-то надо будет по касательной. И коконов вроде не видно. Побеги грибницы добрались сюда только самими краями, и были похожи на черный узловатый плющ, состоящий из скрученных между собой влажных стеблей, цепляющихся за стены и потолок.

Вариантов два – либо осторожно проскочить мимо, либо попробовать преодолеть этот участок, нырнув в серый мир. Поразмыслив, я все же выбрал первый. Серый мир здесь ведет себя как-то странно – слишком много искажений даже рядом с точкой входа. Да и возвращаться туда не хотелось – я и так там пробыл довольно долго, так что до сих пор не мог отделаться от гнетущего мерзкого ощущения. Даже от одного воспоминания неприятная дрожь по спине пробегала, будто пробуешь босыми ногами ледяную воду.

Ладно, прорвемся. В конце концов, я уже представляю, чего ожидать от этой хреновины. А предупрежден – значит, вооружен.

Я закатал правый рукав повыше и, держа руку чуть на отлете со сжатым кулаком, осторожно двинулся в боковой коридор, ведущий от торговых залов к служебным помещениям. Побеги грибницы змеились в основном по стене слева от меня, лишь изредка переходя на пол, так что я легко прошел мимо, даже особо не приближаясь к ним.

Но стоило завернуть за угол, картина резко изменилась. Здесь, в длинном полутемном коридоре, заканчивающемся железными дверями, грибница разрослась так, что опутала обе стены и потолок, а пол устлала почти сплошным ковром. Ближе к выходу, правда, начинался почти чистый участок. Сама дверь закрыта. Толстая, железная, с квадратной стеклянной вставкой по центру, сквозь которую видна светлая крашенная стена с нанесенной трафаретом цифрой «3». Номер этажа. Значит, там уже лестничная клетка.

Ну, приплыли! Что, все-таки двинуть в обход?

– По… мо… гите! – вдруг донесся до меня протяжный полу-стон, полу-шепот, исполненный такой боли и отчаяния, что дрожь по спине пробежала.

В сплетениях грибницы метрах в трех от меня зашевелилась опутанная гибкими корнями девчонка-подросток в розовой футболке с каким-то легкомысленным мультяшным принтом. Амальгама высветила ее силуэт сквозь слой черных щупальцев. Лицо выделялось на фоне оплетающей ее живой массы светлым пятном, на котором блестели вытаращенные от ужаса и боли глаза – голубые, как васильки.

Встретившись с этим взглядом, я едва подавил в себе порыв тут же броситься на помощь, выдернуть ее из плена. Крепче сжал кулак правой руки, готовясь, если что, активировать клинок. Настороженно огляделся, осматривая опутанные грибницей стены. Желтоватых, заполненных жижей коконов, из которых могло что-нибудь вылупиться, не видно. Но мало ли какие еще сюрпризы могла преподнести эта чужеродная пакость.

Я замер, вдруг наткнувшись взглядом на темный силуэт по ту сторону двери. По спине пробежал неприятный холодок. Кто-то сморит на меня с лестничной клетки! Нечто, закутанное в бесформенный черный саван, с лицом, скрытым свисающей вниз треугольной тряпичной маской. Если бы не горящие красноватым светом глаза на сером бугристом лице, и вовсе сложно понять, что это кто-то живой. Но я поймал его внимательный, изучающий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.